

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Олег МАРКЕЛОВ,
Александр МАТЮШКИН

КРОВЬ ЭПАМА.
РОЖДЕНИЕ ГЕРОЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Олег Владимирович Маркелов
Александр В. Матюшкин
Рождение героев
Серия «Кровь Эпама», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3139585
Кровь Эпама. Рождение героев: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1111-5

Аннотация

Они стали товарищами, вынужденные искать спасение в бегстве. Но у каждого есть свои тайны и стремления. Сражаясь с порождениями Мрака и распутывая зловещие заговоры, они обретают новых друзей и новых врагов. Они видят, как древние легенды оживают: некоторые, чтобы вселить в сердца страх, а некоторые, чтобы подарить надежду. Не ведая того, они вершат судьбу мира, навсегда изменяя свою жизнь и жизнь многих людей. А Судьба уже бросила за них жребий – стать героями.

Содержание

Часть первая	4
Прелюдия	4
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	57
Глава 11	62
Глава 12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Олег Маркелов, Александр Матюшкин

Рождение героев

Часть первая

Прелюдия

Длинную вереницу однообразных дней, складывающихся в долгие месяцы, жила она в этом богами забытом городке, примостившемся на самом краю королевства. А в начале последнего цикла Горра она и вовсе осталась одна в мрачноватом громоздком доме.

Дядя уехал в Сэманг договариваться о новых поставках, и до сих пор от него не было ни одной весточки. Из родного города тоже не приходило никаких известий. Это всеобщее молчание пугало девушку точно так же, как пугала тревожная пустота вечернего дома.

Несколько дней назад Кассандре начало казаться, что за ней кто-то следит. То шорохи шагов за спиной, то мелькавший во тьме придорожных зарослей силуэт: ее испуганное воображение услужливо рисовало страшного высокого человека в длинном плаще цвета сумерек. Впрочем, явно она никого не успевала увидеть.

В самый первый день, когда Кассандра заметила пугающую фигуру, растаявшую в вечерней мгле среди деревьев, девушка не придала увиденному никакого значения. Но на следующий день он показался вновь.

И вот уже не прохладой сквозняка, а ледяными костлявыми пальцами сжал сердце необъяснимый ужас, когда темная размытая фигура появилась возле окна гостиной.

— Кто ты? — спросила Кассандра хриплым от испуга голосом, невольно пятясь от окна на пару шагов назад.

Мокрые хлопья снега залетали в открытое окно и, отяжелевшие еще больше от домашнего тепла, сырыми темнеющими отметинами покрывали полированные доски пола. В комнате, несмотря на пылающий камин, стало холодно. Между Кассандрой и окном стоял стол, но девушка не надеялась, что такая простая преграда сможет послужить защитой. Размытая тень шевельнулась и, словно кто-то разом высушил запотевшее стекло, обернулась худощавой невысокой фигурой, облаченной в серо-серебристый плащ.

— Гость, — ответил он, обходя стол и медленно приближаясь к ней.

— Гость? — переспросила девушка.

Кассандра попыталась отступить к пламени камина, но тело перестало ее слушаться, будто заледенев в мгновение ока. Даже тепла жарко пылающего камина она больше не чувствовала. Только всепоглощающий страх, сломивший волю, парализовавший тело и разум.

Алые блики огня отразились в его глазах, словно сами зрачки открыли путь в огненную бездну. Влетевший в распахнутое окно порыв холодного ветра толкнул тяжелые шторы. Створка окна глухо хлопнула, отгораживая комнату от внешнего мира, и даже огонь в чреве камина вспыхнул еще ярче. Гость на неуловимое мгновение исчез, но тотчас же вновь появился уже возле самой девушки. Кассандра не могла ни закричать, ни пошевелиться от страха, сковавшего своей шелковой паутиной ее сознание.

Его длинные до плеч волосы едва заметно мерцали лунным светом, будто отражая сияние двух лун — братьев Горра, восходящего, как правило, ночью, и Торра, следующего за Оком Увара за горизонт. Это мерцание казалось сейчас еще более призрачным, чем отсветы лун на тяжелой ткани штор. Лишь глаза все так же кровавым пламенем светились во мраке комнаты.

Теперь он стоял настолько близко от Кассандры, что, едва наклонив голову, смог коснуться легким поцелуем ее нежного виска с завитком темных волос. Кассандра смогла лишь вздрогнуть и хрипло вдохнуть, когда ледяные губы коснулись ее кожи. Незнакомец улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы, втянул носом ее запах, наслаждаясь коктейлем из молодости, жизни и страха. Наклонившись сильнее, он, также едва прикоснувшись, поцеловал девушку в скулу, после в плечо. Он двигался плавно и мягко, словно скользящее по коже птичье перо.

Ощущение липкого нечеловеческого страха исчезло. Сменяя его, по всему телу разлилось новое, почти столь же острое ощущение – затопляющего разум блаженства. Кассандра застонала с почти слышимым сладострастием. Гость без видимого напряжения подхватил безвольно осевшую девушку на руки и одним сильным движением положил на стол, словно она весила не больше накидки из невесомой ткани. Склонившись, он не прикасался руками к ее телу, но неудержимое ощущение близости и желания заставили Кассандру выгнуться навстречу, откидывая голову и покрывая весь стол разметающейся гривой непокорных волос.

Пламя камина притухло, погрузив комнату в полумрак.

«Как хорошо!» – раскаленной жилкой пульсировала в ее сознании единственная заиклившаяся в бесконечности блаженства мысль, когда он наконец коснулся губами ее беззащитно открытой шеи. Никто и никогда до этого момента не дарил ей такого яркого наслаждения. Короткая боль принесла новую волну нестерпимой блаженной истомы, наполнившей все ее существо без остатка. Опустошенная и умиротворенная, Кассандра позволила себе утонуть в последовавшей за фейерверком чувств приятной слабости.

Поцелуй в шею показался навязчиво неприятным. Она не хотела больше ничего, но чужое присутствие не позволяло вновь нырнуть в расслабленную, обволакивающую негой бесконечность.

«Кто он? Я не хочу... Что-то не так...» – Осколки мыслей лезвиями кинжалов вспороли шелк удовольствия. Она попыталась отстраниться, чтобы увидеть лицо незваного гостя, но не смогла – тот крепко держал ее за плечи.

Насытившись, гость отстранился от своей жертвы. Девушка с видимым трудом подняла руку и дотронулась до шеи в том месте, где ощущала тягучую тупую боль. Холодные от слабости пальцы нащупали что-то теплое и липкое. Кассандра поднесла пальцы к глазам, пытаясь рассмотреть то, что их окрасило в такой глубокий темный цвет, но так и не смогла: было слишком темно. Мысли двигались неторопливо, и время для девушки словно замедлило свой бег, оплакивая ее участь.

Рука бессильно упала, слишком тяжелая для того, чтобы держать ее долго. Кассандра попыталась подняться, но и это не вышло.

– Кто же ты? – зашептала она, пытаясь рассмотреть гостя и одновременно прислушиваясь к происходящему внутри нее.

Девушка не видела незнакомца, но явно ощущала его присутствие, ощущала намного яснее, чем тогда, когда стояла на ногах и казалась себе полной сил.

– Твоя смерть близка, – услышала она приятный, но несколько шипящий голос. – Ты умрешь задолго до пробуждения Ока Увара.

Человек в длинном плаще вернулся к окну, но за шаг до подоконника остановился и обернулся к лежащей на столе жертве. Теперь его глаза больше не горели кровавым пламенем, зато по бледному лицу разлился румянец.

– Пусть дух твой познает радость покоя... – словно насмехаясь, произнес он, картинно воздев над нею раскрытую ладонь.

Глаза девушки закрылись, дыхание стихло вовсе, ни одно движение не нарушало ее спокойной красоты.

Он вновь повернулся к окну. Взгляд его растерянно блуждал по небу, затянутому подсвеченными лунами рваными облаками, по городу, укрытому мокрым липким снегом. Камин в комнате погас, оставив свое соперничество с серебристым светом лун, пробивающимся сквозь прорехи среди облаков. Снег больше не падал, но, покрыв тонким одеялом ночной город, тоже добавлял света преобразившейся ночи. Струйки дыма из труб домов тянулись к посветлевшему небу, иногда развеваемые редкими порывами ветра.

В некоторых домах еще горел свет. Из-за угла дома на широкой улице, которая лучше всего была видна из окна, показалась темная фигура человека. Он шел неровными шагами, кутаясь в изодранный плащ и пошатываясь – может, от усталости, а может, и от спиртного. Гость не любил пьяных. Их кровь была горькой пародией на настоящую.

Рассвет еще не скоро, но теперь незнакомец не торопился. Он больше всего любил это состояние, когда ощущения мира обострены до предела, но нет мучительной жажды, сворачивающей в спираль все внутренности.

Девушка попыталась вздохнуть, но поняла, что не в силах сделать даже это. Мир перед глазами начал темнеть, и она заскользила в бездонную черную пропасть смерти.

Но вместе с ощущением падения что-то зашевелилось внутри Кассандры. Что-то полное сил и эмоций. Что-то древнее и прекрасное.

Сердце вновь начало свой ход, ускоряясь вместе с ощущением времени. Оно погнало остатки крови по венам, и пульс набатом застучал в висках. Кровь, что осталась, вскипела, и боль захлестнула Кассандру. Мгновения боли возродили ее: мышцы, казалось, вот-вот разорвутся, а кости просто лопнут, не выдержав нагрузки. В следующий миг вены взорвались потоками крови.

Выжигающая сознание вспышка ослепила, но тело было где-то вне бушующего пламени Бездны. Кассандра видела бескрайнюю вселенную, неистово опаляющую саму душу, вскипающую потоками бурлящей, словно расплавленная лава, крови. Боль перемешивалась с радостным криком освобождения от уз. Кассандра ощущала силу – не ту, что покидала тщедушное тело вместе с выпитой незваным гостем кровью, а настоящую силу, готовую перевернуть весь мир. Смерть и жизнь закрутились в пестром калейдоскопе, перемешиваясь, открывая путь к новому пониманию себя.

Боль схлынула так же внезапно, как и накатила. Остатки крови вырвались на свободу, и это словно раскрепостило Кассандру. Единственное желание обжигало ее: «Убить!»

Кассандра открыла глаза и медленно повернула голову к стоящему у окна гостю. Она не издала ни звука, но по тому, как вдруг напряглась его спина, поняла – вампир почувствовал, что происходит что-то непонятное для него.

Гость обернулся, и глаза его расширились от изумления.

– Кто ты? – едва слышно выдохнул он, повторяя ее недавний вопрос, и предательски дрогнувший голос выдал его страх.

Страх, совершенно неожиданно накинувшийся на того, кто еще мгновение назад был насытившимся своей жертвой охотником. Страх сменился ужасом – глаза недавней жертвы сияли сейчас желтым демоническим светом, словно наполненные изнутри расплавленным, раскаленным мутным золотом. И этот свет мог принадлежать лишь одним существам во всем Эпаме – Пораженным!

Девушка плавным движением соскользнула со стола. Ее чувства обострились, а рефлексы многократно усилились, позволив видеть и ощущать весь окружающий мир совершенно иначе.

– Как ты смогла?! – проговорил гость, все еще удивляясь тому, что девушка сумела выжить после того, как он выпил большую часть ее крови.

Понимание наконец коснулось светом озарения его сознания. Он должен был почувствовать сразу, как только приблизился. Должен был увидеть, едва только она оказалась в поле его зрения. Ведь вампиры видят несравнимо больше, чем обычные смертные люди.

Гость не успел ни подумать, ни пожалеть больше ни о чем. Двигаясь с невероятной скоростью, едва видимая даже для глаз вампира, Кассандра оказалась совсем рядом и сомкнула налившиеся нечеловеческой силой руки на его шее. Гость задергался, буквально теряя рассудок от сковавшего его смертельного ужаса. Но проще было, наверное, ребенку справиться с драконом, чем вампиру разорвать объятия Кассандры.

Красивые губы девушки потрескались, а милые черты лица исказились ненавистью. Волосы покрылись сединой, и вместо ногтей на руках выросли когти, впившиеся теперь в тело незваного гостя, бившегося как птичка в силке.

Кассандра вспорола плоть его шеи, и свежая кровь, которую только что получил вампир, теперь вновь покидала его, унося с собой жизненные силы. Применить способность метаморфа вампир уже не мог, только его руки рвали ногтями плоть бывшей жертвы. Но это сопротивление больше походило на предсмертную агонию. Пытаясь вырваться, он поскользнулся на мокром от крови полу и рухнул навзничь, увлекая за собой Кассандру.

Холодный свет двух равнодушных лун освещал окровавленные тела, извивающиеся на полу остывающей комнаты. Слов больше не было, да и нет им места на нейтральной территории между жизнью и смертью. Лишь хрипы, стоны да шипение вырывающегося из разорванного горла воздуха.

Когда все было кончено, Кассандра встала над поверженным телом ее убийцы. Кровь все еще сочилась из рваных вен девушки и ран, которые умудрился все же нанести отчаянно сопротивлявшийся вампир. Но эти раны нисколько не волновали ее.

Мир вокруг разительно переменялся, в то же время оставшись прежним и хорошо знакомым. Мир этот теперь стал намного более ясным и понятным. Тьма пустого дома больше не пугала, как не пугали ни ночь, ни что-то иное в этом мире. Она знала, что стала сильнее. Кассандре предстояло многому научиться и многое понять в себе, но главное, что ощутила она во всех совершившихся с нею переменах, – это то, что весь этот мир теперь может принадлежать ей.

Лежащий у ее ног не был мертв. Убить вампира достаточно сложно, и в смерти своей они горят священным огнем Денмиса, опаяя все вокруг. Она могла легко убить его. Он обессилел и ослаб настолько, что даже самый внимательный взгляд не смог бы заметить в нем жизни, но ей не нужна была его смерть.

Кассандра своим новым восприятием мира видела ту жалкую искру живого, которая еще не позволяла полыхнуть смертельному пламени. Крепко ухватив за отвороты плаща, она резким рывком вздернула бесчувственное тело и швырнула его на стол. Почти так же, как совсем недавно поступил незванный гость, обрекая ее умирать от своего поцелуя.

Вампир был жив, и девушка, словно подчиняясь неведомому призыву своего разума, поднесла кровоточащую руку ко рту монстра. Вампирам нужна кровь? Что ж, она даст ему кровь. Вот только будет ли он рад этой крови?

Первые же капли заставили вампира широко раскрыть глаза, казалось, уже тронутые льдом небытия, и тотчас в их глубинах вспыхнул, возрождаясь, голодный огонь. С яростным клекотом в горле он подался вперед, но Кассандра с усмешкой отдернула руку, вновь схватив гостя за горло, буквально припечатывая его к дереву стола.

– А теперь ты расскажешь, кто ты и что ты со мной сделал, – мягко сказала девушка, отлично осознавая свою силу, которой вампир просто не в силах противостоять.

– Меня зовут Джекарт... Меган... – прохрипел вампир, начиная отвечать на вопросы.

Рука Кассандры была скользкой от крови, но хватка оказалась настолько сильной, что Джекарт не мог даже шевельнуться. За многие годы своего существования в облике вампира

он еще ни разу не испытывал такого ужаса. Джекарт всегда успешно избегал слуг Черного Трона, следуя древним знаниям и чувству самосохранения. Он всегда был осторожен и предельно внимателен. Но в этот раз чувства подвели его. Он совершил смертельную ошибку, исправить которую не могло уже ничто. И теперь он с ужасом, близким к безумию, ощущал, как отравленные Мраком капли крови Пораженной обращают его самого в слугу его бывшей жертвы. Неумолимо и неизбежно вампир Джекарт Меган превращался в покорного раба приспешника Мрака.

Глава 1

Дорога во тьме надежды

Уже прошла та пора осени, когда деревья пылают золотыми и багряными красками, а дни все еще остаются теплыми и сухими, словно последнее напоминание о минувшем лете.

Гефорг Нарлинг лениво развалился на скамье и старался не замечать ухабов, на которых то и дело подпрыгивала карета, содрогаясь и скрипя всеми своими составными частями. Пять лет учебы остались позади, уносясь в прошлое со скоростью трясущейся по раскатанному тракту кареты, запряженной четверкой крепких осналийских коней. Но такое приятное для молодого человека событие, как завершение обучения, сейчас вовсе не радовало юного Нарлинга. Напротив, смутная тревога не покидала Гефорга. Пять лет – немалый срок. За это время в родных краях могло измениться все что угодно. И никто не поручится, что эти изменения к лучшему.

От Ас-Ангела до Дарграда проходил широкий тракт, по которому уже четыре долгих дня Гефорг трясся в карете, останавливаясь лишь ненадолго в придорожных тавернах, чтобы перекусить, да заворачивая к ночи в придорожные гостиницы.

Гефорг расстался с Эйдисом, своим братом, у дверей университета Ас-Ангела. Эйдис Нарлинг, более склонный к военным наукам и отличающийся жестким боевым нравом, обучался на другом факультете. Гефоргу казалось, что сами боги наделили его всеми качествами, особо ценимыми в воинском деле, поэтому сразу по завершении обучения Эйдис отправился в столицу Дионии – славный город Эртию. Там он рассчитывал поступить на службу к королю Дионии Рамону Бесстрашному. Гефорг же, совершенно не видя своего будущего на воинской стезе, решил ехать домой. Он сам еще не знал, чем будет заниматься, – будущее казалось ему нераскрытой книгой. Скорее всего, станет помогать отцу в торговле. А может, отправится в Ренмаг – знаменитый город на юго-востоке королевства, где подпирали небеса башни всех Магических Лож. Там уж точно можно отыскать для себя дорогу к великому будущему.

Молодой человек выглянул в окно кареты, окидывая неторопливым взором пасмурное утреннее небо, постепенно затягивающееся тучами. В редких просветах, едва различимая для невооруженного глаза, виднелась тусклая багровая звезда, появившаяся на небосводе пару недель назад. Гефорг вспомнил, что два мудреца в Ас-Ангеле, изучавшие движения звезд, предсказывали ее появление уже года три назад, но тогда им мало кто верил.

Впереди показался город. Его темно-серые дома становились еще более мрачными в такую непогоду.

Городок, лежащий к северо-востоку от Дарграда, назывался Сеибин. Но, несмотря на свои немалые размеры, он не был окружен стеной. Это объяснялось удобным и безопасным расположением. Однако теперь Гефорг заметил, что на въезде в город построили широкую арку со стальными воротами, возле которой караулила смена городской стражи.

Город приближался, разрастаясь, но оставался при этом таким же неприветливо серым в пропитанном влагой и ветром воздухе.

Вскоре карета замедлила ход, и кучер что-то прокричал стражникам. Стража на городских воротах с подозрением и каким-то особым тщанием осмотрела экипаж, однако ворота открыли, не требуя ничего сверх обычной меры. Конюхи, словно тоже мечтая о чистом стойле и добром овсе, бодро внесли карету на промокшие улицы Сеибина.

– Остановимся перекусить, господин? – вопросительно крикнул кучер, обращаясь к Нарлингу со своих козел.

– Нет, Далтон, поехали дальше, – ответил Гефорг, высовываясь в окно. – Мы уже совсем близко от дома. Доберемся – тогда и перекусим и отдохнем.

Кучер вновь плотнее запахнул кожаный громоздкий плащ и поторопил коней. Замедлившая было бег карета вновь полетела по улицам, с шумом разбрызгивая заливающие брусчатку лужи. Тучи наконец-то прорвались начавшимся дождем. Тяжелые капли падали на серую мостовую и, разлетаясь брызгами, собирались вновь в ручейки, все больше заливая улицы. Редкие прохожие с угрюмыми лицами хмурыми взглядами провожали карету, а потом торопились дальше, стараясь побыстрее укрыться от непогоды. У Гефорга возникло навязчивое ощущение, что люди чем-то напуганы или не на шутку встревожены.

– Да, – пробормотал молодой человек, поймав очередной мрачный взгляд горожанина. – В наше темное время страх живет в каждом.

Атаки Пораженных на приграничные города за последнее время участились. И хоть Сеибин располагался не менее чем в двух днях конного пути от границы королевства, страх перед слугами Мрака и здесь был ощутимо силен.

Многие священники Света проповедовали, что настают времена Заката Эпама, предсказанные в священных писаниях. Они говорили, что появившаяся кровавая звезда – это предзнаменование страшной беды, готовой вот-вот обрушиться на смертных.

Выехав через западные ворота, Гефорг увидел, что с этой стороны города спешно ведется постройка широкой каменной стены.

Оставив Сеибин позади, они вновь оказались на просторном тракте. Кучер щелчком кнута над упряжкой приободрил коней, и карета стала набирать ход.

Остаток дня прошел в тягучей полудреме. Однообразная местность, серое небо и ледяные порывы ветра, пытающиеся прорваться в щели между окном и рамой. Дождь лил все сильнее и сильнее, и под его тяжелый стук Нарлинг зябко кутался в теплый дорожный плед. Он уже даже не смотрел в окно, пресытившись унылым осенним пейзажем. Возможно, он сумел бы заснуть, но ухабов на тракте стало еще больше, и карету нещадно трясло.

Одновременно с наступлением сумерек на пределе видимости показалась приближающаяся черной массой кромка леса.

– Армалия Милосердная, дай нам доехать целыми и отведи от нас силы зла, – проворчал кучер импровизированную молитву, коими часто пользуются путники в таких мрачных и пугающих местах.

Дальше тракт пробивался прямо через лес, и чащоба высилась сразу за кромкой утоптанной ленты дороги. А после заката, когда зло пробуждается в дремучих чащах, никому не хотелось находиться под сенью леса дольше, чем это было неизбежно. Будь на то его воля, Далтон, ни на миг не сомневаясь, не сунулся бы сюда на ночь грядущую, а спокойно переждал до утра в уютной гостинице.

Был бы сыт, обогрет, да и утро вечера мудренее, думалось кучеру. Какая беда в том, чтобы приехать в отчий дом днем позже? Но молодой господин в своих решениях ведет себя в точности как его родитель – уж если втемяшилось что в голову, не свернет. Упрямая порода, хоть молодой господин и несравнимо мягче, опасливее и, можно даже сказать, трусливее папаши. Вот младший брат его Эйдис – хоть и приемный сын, но просто вылитый отец... Впрочем, Далтону грех жаловаться на господский норов: уже много лет служит семье Нарлингов – и ни разу не был необоснованно обижен. А уж в услужении молодым сыновьям, куда Нарлинг-старший отправил Далтона на время их учебы, и вовсе было вольно и легко. Но учеба Нарлингов в прошлом, и теперь вот этот мрачный, залитый дождем лес окружает со всех сторон. Далтон вздохнул, сетуя на свою судьбу, и еще сильнее натянул на голову капюшон-воротник своего кожаного плаща. Больше погонять лошадок нельзя – не ровен час, на какое упавшее дерево налетят или еще какая напасть случится...

Деревья уже сбросили большую часть листвы и теперь гнулись под порывами ветра, раскачивая голыми черными ветвями, словно мистические существа, сошедшие со страниц страшных сказок. А едва ветер стихал на миг, темные стволы по обе стороны дороги превра-

щались в искореженные уродливые статуи. С темнеющего неба низвергались потоки воды, размывая и без того неважную дорогу. В густом и тяжелом воздухе ощущалась напряженность, будто в преддверии бури. В глубине леса, несмотря на проливной дождь, виднелся стелющийся распластанными клочьями туман, а темное небо приобрело свинцово-серые оттенки.

Дорога, проложенная через лес, вела прямым путем на Дарград. Еще недавно Гефорг надеялся засветло оказаться дома, но погода портилась быстрее, чем они с Далтоном ожидали, а теперь и вовсе стремительно темнело.

Остатки призрачного света уходили вслед за Оком Увара за горизонт, и вместе со вступившим в права сумраком из-за теней деревьев на Нарлинга нахлынул страх. Каждая тень выглядела шевелящимся во тьме монстром. Гефоргу так и мерещилось, что демоны Мрака, или Пораженные, или иные ужасные монстры готовятся вот-вот наброситься из этой тьмы и растерзать любых путников, задержавшихся до темноты на дорогах королевства.

Далтон щелкнул вожжами, понуждая коней двигаться немного быстрее. Дождь на время прекратился, но тучи так и продолжали нависать, давя своей осязаемой тяжестью. Вскоре дорога вырвалась из мрачного леса, и теперь пейзаж сменился полями по обе стороны от несущейся кареты. Гефорг высунул голову в окно, подставив лицо тугому потоку прохладного влажного ветра. Глаза слегка заслезились, но молодой Нарлинг с радостью увидел знакомые с детства окрестности: выкованный искусным кузнецом указатель к городу; тропу, ведущую к речке, куда убежал в детстве от родителей; огромное древнее дерево, стоящее в отдалении и совсем не изменившееся за годы жизни Гефорга...

Настроение у молодого Нарлинга улучшилось, словно последние солнечные лучи этого дня разогнали тоскливый мрак. Следом за настроением улетучились и все гнетущие молодого человека страхи. Гефорг, высунувшись в окно, подумывал – не попросить ли Далтона остановиться, чтобы пересесть к нему. Если бы не недавние мучившие Нарлинга страхи, он бы уже давно перебрался наверх, на козлы. Тем более что они буквально сдружились еще в Ас-Ангеле. Скорее всего, причиной этому был характер – в отличие от многих других учащихся Ас-Ангела, Гефорг не считал для себя зазорным общаться с обычными людьми, такими, как, например, Далтон, чей род не принадлежал ни к баронам, ни к дворянам, ни даже к зажиточным торговцам. Да и с незнакомыми людьми молодой Нарлинг быстро умел находить общий язык.

Неожиданно сильный порыв ветра словно специально швырнул в лицо юноши холодные водяные брызги, остужая его недавнее желание покинуть относительный уют салона. Нарлинг втянул голову в плечи, невольно прикрывая окно плотным пологом. Тут же в голове возникло вполне разумное оправдание: возжелай он лезть на козлы – и Далтону придется останавливать карету, помогая ему устроиться наверху, а то и доставать из заднего каретного короба такой же кожаный плащ до пят, в какой был облачен сам. Все это неотвратимо принесет потери времени и отсрочит столь желанное возвращение домой.

Тающее Око Увара, образ которого едва просвечивался через пелену дождевых туч, уже провалилось своим размытым сумерками краем за линию горизонта, когда карета подкатила к пригороду Дарграда. Неприятное чувство, словно дуновение ледяного ветра в зимнюю стужу, накатило на Гефорга, едва городские стены показались из-за поворота.

Такие темные и неприветливые.

Глава 2

Холод, подогревающий злобу

Босые ноги ступали по обжигающему темному песку, а жара выжигала, казалось, саму душу. Экраим эль Нарим присмотрелся к песку – тот был багрового цвета.

– Это не песок, – озвучил пришедшее к нему знание Экраим. – Это кровь. Запекшаяся, высохшая кровь.

Экраим поднял глаза и осмотрелся – вокруг, насколько хватало глаз, простирались лишь давно остывшие руины и пепелища костров, в которых угадывались человеческие кости. Он поднялся на холм, и взору его открылось высохшее русло реки. До самого горизонта простиралась пустыня.

Пустыня, в которой песок заменяла кровь.

Жар светила был невыносим даже для эль Нарима, выросшего в южной стране Фиринского Царства. Он поднял глаза и увидел в безоблачном небе черный диск. Экраиму стало трудно дышать. Неестественный ужас сковал его сердце, вырвав короткий крик, больше похожий на стон. Безысходность и отчаяние наполнили его душу. Экраим понял, что его борьбе пришел конец – он проиграл. Все проиграли. Мрак полностью воцарился в Фиринском Царстве. И не только здесь – весь Эпам пал в битве с Мраком. Вспотевшие ладони ослабли, и, чтобы не выронить нож, Экраим крепче сжал пальцы.

– Мрак... – прошептал он, упав на колени в сухую кровь бесконечной пустыни мира, где в небе царило не священное Око бога жизни Увара, а лик проклятого божества Черного Трона.

Свет нечестивого светила, казалось, высасывал из него жизнь, вытягивал душу. Воин собрался с силами и, закричав, рывком поднялся с колен...

Экраим в холодном поту вскочил с кровати, держа в руках кривой, остро отточенный нож. Молния осветила его поджарую фигуру, а гроыхнувший следом гром заставил дрожать стекла в окне его комнаты.

– Опять этот сон, – простонал Экраим.

За долгие годы, казалось, можно было привыкнуть ко сну, повторяющемуся вновь и вновь, но каждый раз, когда сон приходил к Экраиму, он не помнил, что когда-то уже видел эту пустыню крови. Во сне забывалось все. В памяти был лишь краткий миг происходящего, и ничего более.

В дверь комнаты постучали.

– Эй! Открывай! – прозвучал грубый голос.

Экраим набросил на плечи плащ и откинул засов. На пороге стоял владелец постоянного двора.

– Что у тебя случилось? Ты орал, словно тебя четвертуют, – недовольным тоном спросил хозяин.

– Все в порядке. Мне просто приснился дурной сон, – ответил Экраим, жестом приглашая трактирщика осмотреть комнату. – Непогода. Кости ломит от сырости.

Хозяин заведения мельком оглядел комнату и, не заметив ничего подозрительного, потерял интерес к постояльцу. Бурча под нос ругательства в адрес беспокойных клиентов, он вразвалку побрел к лестнице.

Экраим запер дверь на засов и лег в постель, но сон больше не шел к нему. Он зажег свечу и вновь перечитал письмо.

– Проклятый Нарлинг! – зло прошептал он и начал одеваться.

Строчки письма подгоняли его в путь. Странное чувство, наполнявшее Экраима от воспоминаний прошлого, заставляло его как можно скорее разобраться с этим непонятным делом.

Экраим выехал за ворота Нирда, оставив позади еще один город.

Еще до пробуждения Ока Увара по размытой дождем дороге одинокий странник отправился дальше, на запад. Темное мешковатое одеяние не позволяло даже приблизительно судить о сложении путника, а широкий плащ, ниспадающий опавшими крыльями на круп коня, и вовсе превращал фигуру в нечто призрачное – настолько, что вряд ли можно было определить, мужчина это или женщина.

Утренний холод пробирал до самых костей, и, чтобы отвлечься от изнуряющего разум холода, Экраим вспомнил жаркую родину – Наин. Там ждала его война. Долгая война ради справедливости. Ради мести.

– Ты особенный, Экраим, – твердил ему Осмах дель Порту. – Люди, обстоятельства и даже действия приспешников Истинного Врага в конечном итоге явились теми нитями Судьбы, которыми связал твою жизнь, милый мой мальчик, и мою жизнь Сущий Творец.

Экраим мысленно усмехнулся. Его воспитывали согласно Кодексу Жизни – священному писанию Нахена, или, как его называли в странах Фиринского Царства, Сущего Творца. Но также в него вдалбливали Писания Карающих – книгу пророка Омара. Писания Карающих содержали гимны и литании, которые выучивались воинами и перед битвами наносились на тело. Жестокое учение, которое балансировало на тонкой грани между ересью и догмами Сущего Творца. Но, как бы ни старались его воспитанники, Экраим так и не почувствовал себя частью замысла Белого Трона, созданием Света, кем являлись все верующие Наина, да и остальных двух стран, граничащих с ним, – Уфуром и Рилабаром.

Экраим ненавидел Истинного Врага не потому, что он являлся противником Белого Трона, но из-за боли, которую его слуги принесли ему, его стране и людям, бывшим ему близкими и родными.

Экраим вспоминал наставления Осмаха и то, как его учили находить метки Мрака на теле приспешников Таллара или Десидо. Как он впервые увидел чуждые всему Светлому демонические глаза Пораженных, горящие изнутри неприятным желтым светом.

Когда эль Нарим размышлял о Мраке, из глубин подсознания поднималась лишь жажда мести. Она звала назад, на восток. К дворцам, построенным на берегу великой реки Лиэг...

Утро незаметно перешло в полдень, когда Экраим промчался мимо странной компании – взлохмаченный старик кричал на солдат, охранявших повозку. Эль Нарим гнал коня вперед, а полдень начал сменяться сумерками. Тоскливая дорога тянулась через чащобу прямой грязной лентой. Лес, с обеих сторон темной стеной вздымающийся в вечернем полумраке, мрачный и тяжелый, словно каменные стены ущелья, отступил от тракта, и на севере стали видны Мертвые Горы.

Эль Нарим остановился и спешил. Из леса вытекал глубокий ручей и скрывался под каменным мостиком впереди дороги, чтобы затем появиться и исчезнуть в противоположной стороне леса. Экраим окунул голову в глубокий ручей кристально чистой обжигающе-холодной воды и встряхнул волосы, чувствуя быстрый прилив сил. Вновь наклонившись к воде, он сделал несколько больших глотков, впуская бодрящую свежесть внутрь себя. Леса этой страны были для него чудом, которое постигалось не сразу. Того, кто привык жить в степи, на которую наступают пески пустыни Шакхи, буйная растительность Срединных Королевств вводила в замешательство. Вода, бьющая прямо из-под земли; причудливые звери, разгуливающие по лесным тропам.

Мощный далекий рев заставил Экраима резко обернуться. На фоне серого неба он увидел над лесом приближающийся силуэт красного дракона. Эль Нарим поспешил схорониться под сенью деревьев. В своих когтях дракон нес что-то похожее на повозку или фургон.

Конь раздраженно зафыркал, но Экраим тихим голосом успокоил его. Алый дракон повернул в сторону Мертвых Гор и вскоре скрылся в темных пиках.

Ветер толкнул странника в спину, будто напоминая о том, что надо торопиться. Экраим бросил последний взгляд на горы, среди которых скрылся дракон, и мягким, но стремительным движением заскочил в седло. Тронув пятками круп лошади и отпустив поводья, он послал животное медленным галопом.

С небес полил дождь. Холодные мелкие капли вонзались в лицо и руки – единственные открытые части тела. Шерстяной плащ намок, а глубокий капюшон слетел на затылок, открыв смуглое, непривычное этим краям лицо с темными глазами и суровыми морщинами. Тонкие и хищные черты лица гармонировали с его неуловимым языком тела – плавными и точными движениями.

Смуглолицый странник изрыгнул проклятья и поклялся при возможности обзавестись просторным кожаным плащом, под которым можно не бояться ни дождя, ни ветра. Чем дальше на северо-запад он продвигался, тем сильнее портилась погода. Холодные ветра, дожди и отсутствие солнца утомили его, заставляя все чаще обращаться мысленным взором к своей родине.

Экраиму не привыкать было передвигаться по вражеской территории – а именно такой территорией он считал земли Срединных Королевств. Неотданный долг и желание уничтожить зло, порожденное Истинным Врагом, гнало его в городишко на окраине королевства Дионии.

Продвигаясь из города в город, Экраим удивлялся, как люди могут жить на этой земле. В постоянном холоде, постоянном страхе перед Истинным Врагом. На родине Экраима тоже была несправедливость: жестокие нагиры – советники Наместника, жадные ростовщики, но справедливость восстанавливалась если не мирным путем, то кровью.

Диония не граничила ни с одной из стран Фиринского Царства, и Экраиму пришлось пересечь несколько королевств, прежде чем попасть в саму Дионию. Последнее королевство, которое проезжал эль Нарим, называлось Бария. Имея территорию большую, чем Диония, Бария пребывала в сильном упадке. Страх перед Пораженными, а также жестокость короля и его вассалов привели к тому, что в Бариин начали народные волнения. Однажды Экраим даже стал свидетелем восстания. Крестьяне, находящиеся под властью какого-то деспота, подняли бунт и сожгли замок лорда, повесив всю его семью на центральной площади деревни.

Банды разбойников шныряли по дорогам королевства. Правители земель оказались настолько разрозненными, что даже чужак, коим был Экраим, видел, насколько бесполезно было бы пытаться исправить положение.

Временами он вспоминал о том, что в его стране до сих пор идет гражданская война. Как же он мог оставить все это?.. Но неоплаченный долг подгонял его вперед. Как только Экраим разберется с этим, то сможет вернуться на родину, чтобы продолжить сражаться ради мести, ради своей страны, против тех, кто продал свои жизни Истинному Врагу и отравляет души истинных верующих ложными идеалами.

Он двигался вперед, вновь и вновь, словно заведенный. Временами с его губ срывались проклятия в адрес Нарлинга.

Неожиданно Экраим осадил коня, ощутив что-то в вечернем густеющем воздухе – выработанное с годами чутье на опасность заставило его опрокинуться на круп коня. И в тот же миг, одновременно с его движением, из темноты леса едва видимым росчерком ударила стрела. Чуть коснувшись оперением груди запрокинувшегося всадника, она исчезла в зарослях с другой стороны дороги. Тут же с разных сторон зазвучали яростные крики выпрыгивающих из засады разбойников. Стрелок, который должен был без шума и пыли ссадить задремавшего путника с коня, промахнулся. Но с численным перевесом, который

имели полтора десятка бандитов по сравнению с одним-единственным странником, можно было смело бросаться в лобовую атаку. Это ведь не карета под прикрытием нескольких воинов. Здесь главное – не дать путнику ускакать на своем коне.

Сразу несколько человек бросились на дорогу перед конем, размахивая оружием, среди которого были в основном палицы, топоры да копья. Конь поднялся на дыбы, норовя ударить копытами нападающих. Всадник не старался удержаться в седле. Напротив, раздувшийся от резкого движения плащ будто превратился в крылья – путник прыгнул с коня в сторону двоих ближайших разбойников. Оставшийся без седока конь испуганно умчался прочь по темной дороге. Экраим сомневался, что сможет потом отыскать этого пугливого коня, которого он совсем недавно купил на одном из постоянных дворов Пуатрока. Но задумываться об этом теперь было совершенно некогда. Темная ткань скрыла стремительные, как укус кобры, движения, и только тусклое мерцание необычного кривого меча объяснило, отчего это оба нападавших вдруг мешками рухнули в дорожную пыль, щедро орошая ее кровью.

– Вон он! – завопил кто-то, бросаясь к путнику с занесенной над головой палицей.

Путник взмахнул свободной от меча рукой, и крик оборвался вошедшим по самую рукоять в горло крикуна тонким кинжалом. Едва не забрызгав Экраима своей кровью, бандит еще не успел упасть, а смуглолицый путник уже скользнул в самую гущу набегающих врагов, вопреки всякому здравому смыслу забрасывая кривой клинок в заплечные ножны. Он буквально бежал, умудряясь при этом раскачиваться из стороны в сторону, увертываясь от направленных в него копий. Казалось, что он танцует странный тягучий, но в то же время стремительный танец, размахивая руками. Но только после того, как один за другим четверо разбойников подняли дикий вой, совершенно необъяснимым образом потеряв конечности и иные части тел, остальным стало ясно, что что-то не так.

Теперь они не спешили наброситься на страшного путника хаотично, как раньше. Они окружили его, оставаясь на почтительном расстоянии, выставив перед собой копья и рога-тины. Один из разбойников – видимо, как раз тот, кто стрелял из кустов, – опять взялся за лук. Экраим не стал ждать – плащ вновь, словно распахнутые темные крылья, взмыл вверх, скрывая контуры стремительной фигуры. Стрела прошила прочную ткань насквозь, не причинив вреда путнику, зато позади кто-то удивленно вскрикнул, получив ее прямо в грудь. Смертельно раненный бандит крутанулся и плашмя упал на дорогу.

За четыре шага до лучника, который уже наложил вторую стрелу на свой лук, путник вновь размашисто взмахнул рукой. В сером свете уходящего дня мелькнула тонкая серебристая нить, перечеркивая замершего стрелка. Тетива лопнула. Рог лука с деревянным стуком упал вместе с выпавшей из разжавшихся пальцев стрелой под ноги лучника. Туда же скатилась его голова, начисто срезанная тонкой нитью. Прежде чем упасть, безголовое тело еще какое-то время стояло на ногах, выплескивая из обрубка шеи тугие струи темной крови.

– Это маг! – завопил кто-то из разбойников, испуганно пятясь в сторону леса.

– Ну так убейте мага! – истерично закричал стоящий в отдалении громила, по всей видимости главарь.

Экраим, усмехнувшись, молча кинулся в атаку. Они были не так уж и далеки от истины – охранные заклинания, выжженные магией на его лице и руках, придавали ему дополнительные силу и скорость. Впрочем, для такого сброда, из которого состояла банда, и его собственных сил воина было более чем достаточно.

Эль Нарим вновь выхватил из-за спины кривой меч, а во второй руке появилось тонкое длинное жало еще одного кинжала. Уклонившись от брошенного в него копья, странник увел в сторону удар крестьянского топора и тотчас вогнал в брюхо его хозяина клинок кинжала, вздергивая его снизу-вверх. Спустя мгновение дымящиеся внутренности вместе с потоком крови вывалились в грязь. Толкнув плечом выпучившего от боли глаза разбойника, он подхватил брошенное кем-то копье и, подавшись всем телом, мощно метнул его в отсту-

пившего почти к самой обочине врага, назвавшего его колдуном. Бросок оказался настолько сильным, что копье, пробив тело насквозь, вышло со спины.

Из всей банды грабителей остались только четверо. Теперь, панически озираясь по сторонам, они беспрестанно ругались, пытаясь отогнать страх и вернуть решимость. Но как вернуть эту решимость, если вокруг лежат изрубленные на куски десять товарищей, а на ужасном незнакомце нет, похоже, ни единой царапины? И даже лица его никто из пока еще живых четко не разглядел.

– Уходим! – заорал здоровяк.

Экраим, перехватив кинжал правой рукой, метнул его в главаря бандитов.

Разбойник едва успел отшатнуться – клинок вспорол ему щеку, порвав рот, и вонзился в стоящее рядом дерево.

Явно не человек попался им в этот черный день. Видимо, силы Света решили покарать их за все загубленные души, нашедшие свой покой на этой лесной дороге. Трое разбойников, подхватив своего главаря, кинулись в лес, теряя на бегу оружие и боясь даже обернуться назад. Ветер шелестел листвой, но разбойникам казалось, что это страшный незнакомец настигает их на своих черных крыльях.

Экраим молча смотрел вслед ломящимся через чащобу беглецам. Подойдя к дереву, он рывком выдернул кинжал и спрятал его под плащом. Он не собирался гнаться за ними – нет смысла в убийстве ради убийства. Его жизни больше ничто не угрожало. Беглецы не прихватили с собой ничего из принадлежащего ему. Никто не заплатил ему за их смерть. А главное – эти жалкие разбойники не были преданными слугами Истинного Врага. Достаточно много доводов в их пользу. А значит, они могут жить до тех пор, пока не произойдет что-то из перечисленного. Тем более что ему еще необходимо почистить свое оружие и осмотреть трупы врагов – возможно, повезет разжиться чем-то полезным, а странник не должен брезговать такой возможностью облегчить свой путь.

Лес отступил, и впереди распластались поля. И хоть Диония не была самым большим королевством из всех, эль Нарим отлично понимал, что шагать ему еще много дней, если он не обзаведется новой лошадью.

Экраим буквально своей шкурой ощущал, как осень готовится превратиться в зиму. Даже за время его сравнительно недолгого путешествия по этим краям нельзя было не заметить, как дни становятся все короче и дождливее, а ночи длиннее и холоднее. Он плотнее закутался в плащ, пытаясь согреться.

Обчистив карманы убитых, он нашел немного денег, которых должно было хватить и на ночлег, и на нового коня, поэтому сами по себе эти трудности его нисколько не смущали. Но другой враг постоянно теснил его, не зная устал, – время, с которым никто не в силах был совладать.

Уже стемнело, когда эль Нарим, промокший, замерзший и голодный, добрался до города, раскинувшегося на черной скале. Массивный виадук соединял дорогу и городские ворота. Экраим успел пройти в город до закрытия ворот и, спросив у стражников, где находится ближайший постоялый двор, напрямик двинулся в указанном направлении.

Бревенчатые стены постоялого двора, находившегося недалеко от ворот, хранили тепло, о котором так тосковал смуглый странник. Висящие на стальных цепях лампы с масляным фитилем внутри давали тусклый желтоватый свет. Тепло, запахи готовящейся пищи, тихий шум и разговоры окутали Экраима и словно втянули внутрь трактира. Эль Нариму хотелось сесть поближе к пылающему в камине огню, но он предпочел дальний угол возле стены. Тень от лестницы на второй этаж накрывала и место, где стоял стул, и часть стола. Он же, расположившись именно здесь, мог отлично видеть и контролировать как все помещение, так и входную дверь.

Возле камина разгорелся спор – седовласый гном спорил с рослым варваром. За соседним столиком какой-то посетитель получил звонкую оплеуху от служанки. Мужчина поднялся, возвысившись над ней на целую голову, но тут Экраим увидел, как девушка вытащила блестящее лезвие из кармана фартука, и мысленно усмехнулся.

Еще одна служанка подошла к Экраиму, и тот попросил принести вина и жареного мяса с лепешкой хлеба. Кивнув, девушка ушла собирать заказ, а Экраим вернулся к наблюдению за служанкой, которая к тому времени с помощью ножа убедила мужчину сесть на место. Экраим проследил взгляд мужчины и понял, что того привело в чувство вовсе не созерцание миниатюрного клинка в хрупкой руке девушки, а вид человека за стойкой. Явно уже в годах, этот мужчина был массивен, будто буйвол, и походил сложением на горного тролля. Но, как и положено хозяину заведения, он не проявлял излишней враждебности к посетителям – увидев, что проблема исчерпана, прислонил огромный молот обратно к стене и возвратился к разливанью для гостей вина и эля.

Экраим растянул губы в улыбке – девушка, которую он принял за служанку, скорее всего, была дочерью хозяина заведения, того самого здоровяка за стойкой. И, судя по тому, как легко и хватко держал этот мужчина тяжелый боевой молот, можно было понять, что за свою жизнь он явно занимался не только делами постоянного двора. Клиент не стал ввязываться в драку – умно с его стороны и достаточно для хозяина, чтобы вновь со всем радушием потчевать этого же образумившегося гостя ужином.

Служанка принесла блюдо с заказанной едой и большой кружкой вина. Экраим расплатился и с наслаждением принялся за пищу. Жареное мясо, на вкус странника немного жестковатое и недостаточно острое, было еще горячим и сочным, в отличие от кусков вяленого, которыми питался эль Нарим последние несколько дней. Спор гнома с варваром быстро затих, и они разошлись по комнатам, высокий мужчина, получивший пощечину, допил остатки выпивки и, грохнув кружкой о стол, тоже отправился спать.

Экраим дождался, пока все посетители разойдутся, затем подошел к уснувшему прямо за стойкой хозяину и договорился о цене за нового коня. Лишившись почти всех денег, эль Нарим направился в выделенную ему комнату, чтобы забыться коротким сном.

Утром, вновь укутанный в свой бесформенный балахон, он уже мчался на новом коне дальше на север. До цели оставалось совсем чуть-чуть. Смуглолицый странник гнал коня по раскатанному тракту. Еще несколько дней пути – и он достигнет того, кого ищет.

В пути Экраим старался объезжать сторожевые посты и патрули, а когда оказывался на улицах городов, спешивался и передвигался очень медленно, стремясь не привлекать любопытных глаз. Это уже было у него в крови – чем меньше тебя видят, тем легче достичь цели.

– Как же надоело мерзнуть, – пробормотал Экраим, еще раз отмечая, что нужно обзавестись кожаным дорожным плащом с глубоким капюшоном, какие весьма популярны в этих сыкатных странах.

Сам по себе холод не мог нанести его закаленному сильному телу какой-нибудь вред, но вся эта совершенно чуждая ему погода вселяла в его сердце легкую грусть по далекой родине.

По широкой дороге Экраим к ночи добрался до какой-то брошенной деревушки, жители которой, по всей видимости, в спешке покидали свои дома. Заночевав в одном из домов, с рассветом эль Нарим отправился дальше и уже к полудню добрался до Сонды.

Городок оказался достаточно крупным, и Экраим решил запастись провиантом перед последним рывком. Эль Нарим обратил внимание, что улицы безлюдны, многие магазины закрыты, а окна домов зашторены черной материей. Проходя центральную площадь города, Экраим увидел несколько десятков человек, стоящих вокруг инквизитора в черной рясе.

– Пораженные! – громким голосом предупреждал инквизитор. – Существа, больные телом и душой! Они вознамерились завладеть этим славным городом! Они отравляют колодцы и убивают наших детей!

– Посторонись, странник, – услышал Экраим за спиной приглушенный голос.

Эль Нарим отошел и пропустил три повозки, накрытые парусиной. Грязная ткань укрывала трупы людей. Несколько священников сопровождали мрачную процессию, вознося молитвы Денмису за умерших.

– Беги из города, странник, – сказал проходивший мимо него жрец Денмиса.

– Порча предавшихся Мраку въедается в души и плоть! – продолжал вещать инквизитор. – Мы должны убивать каждого, на ком обнаружится Метка Мрака...

Экраим направился прочь от площади. Впереди его ждали цель и долг, который он должен заплатить, уничтожив зло. Мысль о неудаче даже не приходила в голову наемнику. Он был слишком хорошо обучен отнимать жизнь и имел в этом огромный опыт кровопролитной войны, которая до сих пор уже лет тридцать шла на его родине.

Со дня нападения бандитов погода некоторое время стояла ясная, и на небе была видна багровая звезда, которая с момента начала путешествия эль Нарима заметно увеличилась. Но теперь, взглянув на небо, Экраим увидел, как тучи опять заволакивают небосвод.

Будет дождь...

Экраим вновь процедил проклятия в адрес Нарлинга и неспешно вышел за ворота городка, неторопливо забрался на коня и нарочито медленно двинулся по дороге. Впереди его ждал небольшой городишко Дарград, которому некогда пророчили стать крупным торговым центром. Такие пророчества родились потому, что город этот расположился на Южной Тропе – древней дороге, построенной еще гномами, и дорога эта соединялась с Ларийским Трактом. Южная Тропа брала свое начало от пограничного города гномов Нарго-Орд, и жители Дарграда надеялись, что их город станет местом, где гномы и люди будут вести общие дела.

Однако торговым центром Дарград так и не стал – гномы, игнорируя его, возили свои товары напрямик в Ливинкрон, крупный город, стоящий на пересечении двух дорог. В нем появилась даже довольно большая гномья община.

Но именно Дарград был целью путешествия Экраима, поэтому, как только эль Нарим отъехал на достаточное расстояние от ворот Сонды, он вновь пустил коня галопом, надеясь через несколько дней наконец прибыть в злополучный городок в этой холодной и неудобной для него стране.

Глава 3

Погибель из сумрака алчности

Молодой паренек прятался в тени, наблюдая за дверью таверны. Масляные фонари давали немного света, и можно было не опасаться, что какой-нибудь прохожий его увидит. Осторожность – это первое, чему вор, а парень был именно вором, учился на улицах города.

«Уже так поздно, – думал паренек. – И холодно. Нормальные люди сидят дома, но только не ливинкронцы. Нет! Этим надо до самого утра заседать в тавернах! Но ничего, рано или поздно кто-нибудь обязательно выйдет оттуда в таком состоянии, что можно будет незаметно залезть к нему в карман».

Но хоть парнишка мысленно и жаловался на прохладу осенней ночи, теплая одежда достаточно хорошо предохраняла его от холода, а капюшон короткого плаща мышинового цвета надежно скрывал его лицо. Наблюдая за улицей, паренек поигрывал небольшим тонким ножом. Таким ножом не убьешь, но зато им удобно срезать кошельки. Некоторые воры предпочитали заточенную по краям монету, которую можно в случае опасности незаметно выронить в пыль, избавляясь от орудия преступления. Но пареньку казалось, что с таким ножом он выглядит намного более серьезным и взрослым.

Дверь таверны с грохотом распахнулась. Изнутри донеслись звуки музыки, смех и пьяная ругань. Юный воришка насторожился. Выйдя из таверны, мимо него тяжело протопали двое громил, завернутые в меха и подпоясанные широкими кожаными ремнями, на которых висело оружие.

«Варвары, – смекнул парень. – К таким лучше не соваться – пришибут насмерть и не заметят». Он остался терпеливо дожидаться на месте.

Ожидание тянулось долго, хотя времени прошло не так много. Наконец в дверях таверны появилась еще одна компания из трех юношей, одетых в яркую дорогую одежду. Паренек вновь подобрался, предчувствуя неплохую наживу. Вот такие богатенькие подвыпившие повесы зачастую становились жертвами воришек, только начинающих свое восхождение в воровской гильдии. Лучшего сложно было даже желать – молодые и неопытные, эти щеголи прожигали деньги своих родителей. У них и монеты никогда не переведутся в карманах, да и реакция не такая быстрая, как у воинов или торговцев. Парень поудобнее перехватил пальцами свой нож с тонким лезвием и подался из тени.

Но едва он успел сделать первый шаг, как за спиной прозвучал тихий насмешливый голос:

– Тебя уже заждались в застенках городской тюрьмы. Давай, не робей и окажешься там еще до утренней зари.

Юноша обернулся, но проглотил ругательства, которыми уже готов был наградить шутника.

– Элейн! – шепотом воскликнул парень. – У меня чуть сердце не остановилось! Нельзя так подкрадываться к людям! Или ты меня убить хотела?

На то, чтобы сдержать эмоции и говорить почтительно, у парня было две причины – девушка, стоящая перед ним, находилась в гильдии на более высокой ступени. А гильдия для любого городского вора значила очень много – она контролировала весь организованный преступный мир Ливинкрона. Но, пожалуй, как раз эта причина была наименьшей из двух. Главное заключалось в том, что он, как и добрая половина молодых ребят в гильдии, был безответно влюблен в нее. Невысокая стройная девушка с задорной улыбкой и большими голубыми глазами умела очаровать любого мужчину. Она знала, насколько привлекательна, и не задумываясь пользовалась этим своим природным даром.

– Наал! Передумай, пока не поздно, – улыбнувшись, посоветовала Элейн. – Эти кошельки тебе не по зубам.

Компания юношей тем временем остановилась, о чем-то оживленно споря. Один из них размахивал руками и готов был уже уйти, но другой одернул его, и они продолжили разговор уже более спокойно.

– Ты что тут делаешь, Эли? – спросил Наал девушку.

– То же, что и ты. – В голосе Элейн послышалась насмешка. – Помогаю стражникам собирать подати.

– Я первый пришел на это место! – прошептал парень, опасаясь, что девчонка хочет прогнать его отсюда, а он просто не сможет дать ей отпора.

– Конечно. Я не планировала оспаривать твое право на угол в камере, – ответила девушка. – Так что ты можешь меня не слушать. Место в городской тюрьме ждет.

– Да эти пьяные франты даже не заметили бы меня! – упрямо возразил Наал.

– Ну-ну, – хмыкнула девушка. – Ты не заметил разве, что они вовсе не пьяны?

– Они же вышли из таверны, – неуверенно проговорил парень, озираясь в ту сторону, где стояли спорщики.

– Ты действительно такой умный или умело прикидываешься? – с удивлением прошептала девушка. – Ты не можешь отличить пьяных от трезвых – и при этом всерьез собрался подрезать у них кошельки? Да при такой смекалистости ты даже до тюрьмы не доживешь. Они зарежут тебя в этом же переулке, и все дела.

Наал недоверчиво посмотрел на Элейн. Одета в простое серое платье, девушка выглядела потрясающе. Темные волосы спадали ей на плечи, а глаза блестели озорством.

– Ладно, – сжалась девушка над молодым вором. – Смотри и мотай на ус. Хотя усов-то у тебя еще и нет. Учись, чтобы дожить до усов.

– Помогите! – вскрикнула Элейн не настолько громко, чтобы перебудить всю округу, но достаточно для того, чтобы быть услышанной стоящими возле дверей трактира.

Выскочив из темноты переулка, воровка в несколько стремительных шагов оказалась рядом с удивленно примолкнувшими щеголями. Бежала она явно мимо них, совершенно не рассчитывая на поддержку, и затравленно озираясь в темноту переулка. Но в шаге от стоящей троицы девушка запуталась в подоле и со всего маху рухнула на мостовую. Совершенно инстинктивно двое из юношей подались в ее сторону, а один из них еще и подхватил девушку под руку, не дав ей разбиться о булыжник мостовой. Ткань подола явственно затрещала, разрываясь, а беглянка, в свою очередь, ухватившись за протянутые к ней руки, буквально повисла на своем спасителе.

– Простите меня, господин, – испуганно залепетала она, торопливо поднимаясь на ноги и стараясь прикрыть руками разорванный до самых колен подол. – За мной гнался какой-то страшный человек. Простите меня.

Девушка смущенно склонила голову и бегом поспешила прочь, через мгновение скрывшись за углом.

Наал, замороженный, смотрел из тьмы переулка, как Элейн ловко обчистила одного из трех щеголей. Он решил задержаться и увидеть выражение лица этого самоуверенного богатенького сынка вельможи, когда тот обнаружит пропажу.

– А она хорошенькая, – сказал оставшийся, в отличие от товарищей, неподвижным.

– Да, точно, я тоже заметил, – согласился второй и, повернувшись к третьему, хлопнул его по плечу. – Тебе, Генрих, стоило немедленно получить с нее благодарность за спасение. А теперь – ищи ветра в поле.

– Согласен, оплошал, – усмехнулся тот, которого называли Генрихом, и вдруг, изменившись в лице, захлопал себя по поясу. – Проклятье! У меня пропал кошель!

– Чертовка! – захохотал первый, хлопая в ладоши. – Полагаю, в твоём кошельке было немало серебра. Я не видел ещё ни одной девки, которая стояла бы столь дорого!

Генрих вдруг растопырил пальцы, словно только сейчас впервые увидел свою руку.

– Что с тобой! – встревожился второй, с удивлением глядя на товарища.

– Перстень! – прорычал Генрих, протягивая руку с растопыренными пальцами к своим товарищам. – Она сдернула у меня с пальца *наш* перстень.

Веселость словно ветром сдуло с обоих собеседников Генриха, а лица их стали мрачнее тучи.

– Мы должны отыскать её, не поднимая лишнего шума, – хмуро произнес Генрих. – И я уверен, что мы сумеем эту проблему решить...

Наал понял, что настало время уходить, и, растворившись в тенях переулков, оставаясь незамеченным, прибавил шаг, надеясь нагнать девушку.

Элейн отлично ориентировалась в Ливинкроне и даже во тьме неосвещённых улиц безошибочно шла к своему дому. С самого детства она жила на улицах этого города, воспитанная воров.

– Эх, Глоар, – вздохнула девушка, бредя по неосвещённой улице. – Мне тебя не хватает.

– Ты что-то сказала про Глоара? – раздался впереди голос Наала, довольного тем, что смог не только догнать Элейн, но ещё и остаться до последнего мгновения незамеченным ею.

Паренек оставил угол, за которым скрывался, и пошёл рядом с девушкой.

– Ничего особенного, – ответила Элейн. – Я скучаю по нему.

– Он был самым лучшим главой гильдии, – согласился парень. – Жаль, что он умер. Он, наверное, хотел, чтобы ты заняла его место?

– Не говори глупостей. Никогда ещё девушка не становилась главой гильдии. Анкланг хороший глава гильдии, хоть и несколько вспыльчив и сумасброден, – решительно возразила девушка, борясь с зевотой. – Спать охота – жуть как. Я с прошлой ночи не отдыхала и сейчас едва ноги волоку.

– Что же ты делала? – хитро усмехнулся Наал.

– Не твоего ума дело, – отрезала девушка. – И вообще – тебе разве не в другую сторону?

– Я к Норилу, сегодня у него заночую, так что нам по пути.

Они шли в Трущобы – старую часть города. Туда, где когда-то стояли дворцы и великолепные дома знати, а улицы были выложены каменными плитами, а не булыжниками или брусчаткой. Трущобы появились полсотни лет назад, в Год Смертного Грешника, когда внезапная атака варваров с Равнин Страха на Ливинкрон изменила город. Они пришли, чтобы грабить и убивать, и им удалось сделать и то и другое. Три города Дионии вынуждены были возрождаться из руин, и одним из этих городов был Ливинкрон. Помимо города, набег варваров изменил и его жителей. Страх вселился в сердца горожан.

Множество людей погибло. Целые кварталы оказались разрушенными, и власти приняли решение – вместо того чтобы восстановить то, что было разрушено, отстроить город вновь. Трущобы с тех пор облюбовали воры и нищие. Город за каких-то десять лет вновь стал сияющим оплотом цивилизации на окраине одного из самых известных государств среди Срединных Королевств.

– Знаешь, – признался вдруг Наал. – Если бы я не знал, что ты делаешь, ни за что не подумал бы, что ты упала специально. Я даже испугался, что ты расшибёшься. Лучше тебя никто не смог бы этого сделать.

– Пустяки, – отмахнулась девушка, но по мимолетной улыбке было заметно, что эта наивная похвала не оставила её равнодушной. – Просто тебе ещё надо многому научиться. А потом... не забывай, что девушке легче играть в такие игры. Тебе руки никто бы не протянул, и ты расшиб бы нос о мостовую.

– Все равно ты была великолепна, – улыбнулся Наал, отлично догадываясь, какова была бы реакция этих щеголей, если бы он так вот бросился к ним в объятия. – Да уж, мне бы точно не протянули руки. Скорее, пнули бы вдогонку.

Элейн усмехнулась в ответ, представив эту картину.

– Они, кстати, сильно расстроились насчет кольца, – сказал Наал, обратив внимание, что Элейн теребит своими тонкими пальцами золотое кольцо, так легко сдернутое с пальца богатенького сынка в тот самый момент, когда она всем телом повисла на его руках.

Чтобы не потерять перстень на бегу, девушка сразу надела его на свой палец, и теперь Наал невольно привлек к нему ее внимание.

– Пусть. У них кольцом больше, кольцом меньше... – отозвалась Элейн, зевнув. – Сильно расстроились, а завтра забыли.

– И много у него оказалось в кошеле? – поинтересовался паренек.

– Не знаю, – честно призналась Элейн. – Я никогда не считаю добычу сразу. Только когда прихожу домой. Вот окажусь у себя – там и посчитаю. Но чувствую, что в этот раз отложу для Анкланга приличную долю гильдии.

– Мне, кстати, этот Анкланг на самом деле не нравится, – шепотом сказал Наал, оглядываясь во тьму улицы, словно кто-нибудь его мог услышать. – Говорят, что он предложил всем членам гильдии срезать мочки ушей. Как же потом работать, когда все будут знать, что ты вор?!

– Ну да, это перебор, – согласилась Элейн. – У него бывает. Но в основном он вполне нормальный. Может, слишком много покурив черного лотоса?

Элейн говорила в голос, не опасаясь, что кто-нибудь из шпионов Анкланга передаст главе гильдии ее слова. Глоар еще в бытность вором, но не главой гильдии, взял Элейн под свою опеку, после того как ее родной отец погиб от руки бандитов на одной из пограничных дорог Дионии. И авторитет Элейн как дочери Глоара, ставшего впоследствии главой гильдии, а также отношение к ней старших воров позволяли девушке без опаски за свою жизнь критиковать нынешнего главу.

– А правда говорят, будто ты дочка рыцаря? – спросил неожиданно Наал после затянувшегося молчания.

– Врут! – резко ответила девушка.

– А мне Норил говорил, что ему сказал...

– Я же тебе сказала – врут! – холодно повторила Элейн.

Наал притих, оставив расспросы, и остаток пути они шли молча. Элейн помнила своего отца. Он действительно когда-то был рыцарем. Его небольшой замок находился вдали от шумного Ливинкрона. Она жила там со старшим братом. Но отец, хоть и любил своих детей, однако так и не смог оправиться от смерти супруги. И без того малое наследство стало таять как дым, когда отец начал топить свое горе в вине. После его смерти и вовсе все наделы и замок отобрали за долги.

– До завтра! – помахал Наал девушке рукой, и темнота ночных Трущоб мгновенно поглотила его.

Девушка не любила вспоминать свое прошлое: как ушел, чтобы больше не вернуться, их отец; разлуку со старшим братом, защищавшим ее до последнего, пока какие-то монахи не забрали его. Старый знакомый ее отца Глоар забрал Элейн в Ливинкрон и, воспитав как собственную дочь, научил всему, что умел сам. Иногда, размышляя о прошлом, Элейн удивлялась – что могло связывать рыцаря и вора? Но ответа на этот вопрос дать было уже некому.

Каменный покосившийся дом встретил свою хозяйку остывшими комнатами и темнотой. Элейн, не зажигая свечей, затопила камин, а после этого скинула сапоги и плащ. Быстро разгоревшееся пламя согрело небольшую комнату. В котелке закипела вода, и девушка зава-

рила большую щепоть из сбора трав, который привез друг Глоара из Алорна – королевства на северо-востоке.

Глотая густой и душистый отвар из трав далекой страны, Элейн мечтала, как однажды сама отправится путешествовать. Мысль о том, чтобы уйти из Ливинкрона, пришла ей в голову давно, но до недавнего времени она не стремилась воплотить свои мечты в реальность. В первую очередь Элейн не хотела оставлять Глоара. Но теперь, когда его не стало, она все чаще и чаще задумывалась о том, чтобы оставить этот город в своем прошлом и отправиться путешествовать по бескрайнему миру.

– Можно даже присоединиться к какому-нибудь отряду искателей приключений, – размышляла девушка вслух.

Отряды наемников, зарабатывающих тем, что охраняли торговые караваны или организовывали опасные походы за сокровищами, постоянно прибывали в Ливинкрон либо в поисках клиентов, либо сбыть добытое скупщикам. А она наверняка могла бы быть полезной в таком отряде – она не спасует и во владении оружием, и умение открыть любой замок в дальнем походе вполне может пригодиться.

В юной головке девушки рождались мечты об опасных приключениях и кладах. Размечтавшись, она представила себе, как встречает черных рыцарей и свирепых чудовищ. Глаза у Элейн постепенно закрывались. Отвар успокаивающе подействовал на девушку, и она заснула крепким сном.

Проснувшись Элейн, когда Око Увара уже перевалило за полдень. Пересчитав наконец монеты в украденном кошельке, девушка оделась и вышла на улицу. День, вопреки желаниям молодой воровки, оказался пасмурным и неприветливым. Око Увара скрывали тяжелые тучи. Казалось, что вот-вот начнется дождь. Дойдя до громоздящегося на самой окраине Трущоб полуразрушенного дома, больше похожего на дворец, девушка остановилась. Просто так пройти к Анклангу, главе воровской гильдии Ливинкрона, не мог никто. Даже приемная дочь ушедшего главы гильдии.

Девушка абсолютно точно знала, что сейчас за ней наблюдают, и потому спокойно стояла, дожидаясь. Наконец дверь заскрипела специально несмазанными петлями, и на крыльцо вышел горбатый одноглазый старик. Элейн давно знала горбуна – еще с тех времен, когда ее приемный отец был главой гильдии и жил в этом доме.

– Здравствуй, Русто, – приветливо улыбнулась девушка, теребя в руках кольцо, стянутое с пальца ночной жертвы.

Русто Эрлип ей всегда нравился. Он был добрым стариком и к тому же являлся самым старым членом гильдии.

– Анкланг сейчас занят, – проговорил Русто и шепотом добавил: – У него в гостях какие-то знатные персоны. Если дело не срочное, зайди вечером.

– Хорошо, – пожала плечами девушка и, извлекая из складок платья небольшой джутовый мешочек, добавила: – Вот, передай ему. Это моя доля в казну гильдии.

– Это вроде мужское кольцо? – ухмыльнулся Русто, заметив на пальце девушки перстень.

– Теперь оно мое, – подмигнула старику девушка. – Могу продать, если хочешь.

Русто усмехнулся и отрицательно покачал головой:

– На что оно мне? Продай его лучше тем, кто переделывает приметные вещи в новые украшения. Вряд ли кто-то еще возьмет его у тебя. Мой тебе совет – избавься от него поскорее.

Повернувшись, Русто махнул рукой в знак прощания.

– Продам, – не стала возражать девушка. – Анклангу привет от меня.

Отдав гильдии положенную долю, Элейн отправилась в таверну «Сломанное Крыло». Там собирались только члены гильдии да наемники. Обычные посетители могли оказаться

здесь лишь по воле случая, да и то если совсем уж не знали порядков в этих местах. Изредка какой-нибудь горожанин заходил в эту таверну, чтобы нанять головорезов для охраны или для того чтобы припугнуть, а то и убить кого-либо. Но воровская гильдия убийствами не занималась.

Пока служанка собирала для Элейн на стол, девушка принялась рассматривать добытый ночью перстень.

– И чем Русто перстень не приглянулся? – проворчала она, любуясь украшением.

И вдруг Элейн поняла, что напоминает ей причудливый герб на массивной золотой платформе. А узнав, торопливо сдернула кольцо со своего пальца, затравленно озираясь по сторонам. И как ее угораздило до этого не узнать изображения, которое любой горожанин видит каждый день, – герб магистрата города? Убедившись, что никто не обратил на нее внимания, девушка спрятала перстень в потайном кармашке и облегченно вздохнула – надо же было быть такой невнимательной. А еще хвасталась перед наивным Наалом, строя из себя опытную воровку.

Первоначальный испуг отпустил, и Элейн почувствовала, насколько же она голодна. Перекусив и выпив немного теплого вина, девушка вернулась домой еще до заката.

Неожиданно Элейн вновь вспомнила слова старика о золотом перстне, который умыкнула с пальца наглого щеголя прошлой ночью. Русто не прикасался к перстню и даже не видел его вблизи, но в его наметанном глазе никто и никогда не сомневался. Какое-то недоброе предчувствие вгрызлось в ее сердце. Выудив кольцо из потайного кармана, Элейн поднесла его к свету свечи. Тонкие пальцы девушки скользили по массивному перстню, ощупывая каждый завиток причудливого узора. Внезапно верхняя часть перстня, где был выгравирован герб Туккаров, откинулась в сторону, открывая новый смысл, напугавший Элейн до полусмерти.

– О Русто, ты не представляешь, насколько ты оказался прав, – простонала девушка, рассматривая символ Таллара – верховного бога Черного Трона, повелителя сил Мрака.

Элейн лихорадочно размышляла, что же теперь делать. Сама Армалия, богиня удачи, наверное, решила посмеяться над ней, втягивая в смертельно опасную игру, в которой у Элейн вряд ли был хоть один шанс выжить. Стянув этот перстень с руки, казалось, совершенно безобидного юноши, она собственноручно подписала себе смертный приговор. Мысли лихорадочно металась в ее голове. Никто не защитит ее – ни власть, ни друзья. Да и не хотела она тащить на погибель за собой своих друзей.

– Бежать! – в панике прошептала Элейн. – Бежать из Ливинкрона! И как можно быстрее!

Скинув платье, она быстро переделалась в удобную неприметную мужскую одежду, прицепила на пояс кинжал и начала торопливо собирать дорожную сумку, кидая в нее все, что попадалось под руку. Понимая, что сейчас просто теряет рассудок от страха, Элейн заставила себя остановиться и несколько раз глубоко вздохнуть. Голова постепенно прочистилась. «Спокойно! Паника – самый верный способ умереть!» – постаралась она приободрить сама себя. Ей это почти удалось, но в этот миг в дверь громко и настойчиво постучали.

– Элейн, открой! – прозвучал из-за двери голос Наала.

– Наал? – удивленно переспросила Элейн, делая шаг к двери.

– Да, Эли, – отозвался парень едва слышно. – Это я. Открой, пожалуйста.

Что-то в голосе Наала насторожило девушку, но она медленно подошла к двери и заглянула в замочную скважину. В темноте за дверью совершенно ничего невозможно было разглядеть.

– Ну открой же, – взмолился Наал.

Элейн, чувствуя, что совершает непоправимую ошибку, медленно отодвинула засов и приоткрыла дверь.

– Помоги мне, – проскулил Наал, делая шаг вперед.

– Помоги ему, дорогуша! – прозвучал из-за спины Наала знакомый насмешливый голос, а в темноте улицы за дверью сверкнуло тонкое лезвие.

Горячая кровь брызнула Элейн в лицо, а голова Наала, глухо стукнув о доски пола, прокатилась куда-то под ноги Элейн. Одетый во все черное молодой человек, тот самый, с пальца которого сняла кольцо девушка, отпустил фонтанирующее кровью тело и, шагнув вперед, решительным толчком распахнул дверь.

Глава 4

Отчаяние праведного гнева

Карета подкатила к открытым настежь воротам Дарграда. Возле ворот никого не оказалось, и Далтон, не замедляя хода, проехал не останавливаясь.

Дарград раскинулся недалеко от границы, разделяющей королевство Дионии и королевство гномов Туманные Вершины. Жизнь в маленьком городке текла так же неторопливо и размеренно. Любое мало-мальское изменение в жизни дарградцев случалось настолько редко, что потом легко превращалось в какую-нибудь невероятную историю.

Но сейчас, проезжая по главной улице родного городка, Гефорг с удивлением замечал, насколько изменился город за время его отсутствия. Повсюду – над городской ратушей, над двумя храмами, над казармой городской стражи и даже над магазином старика Перга, торгующего различными магическими безделицами, – реяли штандарты Инквизиции.

Высшие жрецы церкви Денмиса, верховного бога Белого Трона, измученные противостоянием культам Черного Трона, сформировали Орден Инквизиции, надеясь получить несокрушимый и бескомпромиссный боевой инструмент. В Орден Инквизиции вошли жрецы, специально выученные и наделенные особыми полномочиями для борьбы с приверженцами сил Мрака и Пораженными.

Не только люди, но и орки с гоблинами, и гномы, а по слухам, даже мифические эльфы поклонялись богам Черного Трона. И поклоняясь, получали от своих нечестивых богов невероятную силу. И сила эта совершенно непостижимым образом воздействовала на приспешников богов Черного Трона. Каждый изменялся по-своему. Кто-то обретал необоримую мощь, кто-то обнаруживал в себе сверхъестественные способности. Но основная масса последователей сил Мрака подвергалась чудовищным мутациям зла: они частично утрачивали свой первоначальный облик, становясь Пораженными Мраком – уродливыми, исковерканными созданиями.

Пойманные Пораженные, фанатично преданные Таллару или другим богам Черного Трона, грезил о том дне, когда силы Мрака воцарятся на всем Эпаме и Зло поработит весь этот мир, воздавая своим слугам за верность.

Пять лет назад, когда Гефорг покидал Дарград, отправляясь на учебу, этот город выглядел совершенно иначе. Словно даже разные города проносились за окнами кареты тогда и сейчас. В том городе, который покинул молодой Нарлинг всего пять лет назад, не было страха. Теперь же страх пропитал все насквозь, изменив не только внешность, но, казалось, и саму душу города. На дверях домов повсюду висели обереги и охранные молитвы Денмиса, Ламисии и других богов Белого Трона, призванные защитить в случае опасности.

Гефорг, вспоминая свое детство, смотрел на пустынные улицы родного города, которые с наступлением темноты буквально вымерли, словно по городу прошла чума.

Дом Гефорга располагался в пологой низине, на отшибе, далеко в стороне от остальных домов. Ровная, мощенная тщательно подобранным каменным брусом дорога безошибочно вела к просторному дому Нарлингов.

– Последний поворот! – крикнул Гефорг кучеру, вновь высовываясь из открытого окна кареты. – Всего один поворот – и мы увидим родной дом! Дом с красивой зеленой крышей.

Далтон кивнул, молча разделяя радость юноши, и цокнул лошадам, слегка натягивая повод. Карета замедлила ход, плавно огибая последний, заросший высоким декоративным кустарником поворот, и тут же взгляду открылся дом Нарлингов.

Дом пылал, словно сухая ель, разгоняя светом ревущего пламени вечерний сумрак. Огонь рвался ввысь, заходясь в приступе ярости и окрашивая аккуратно подстриженные кустарники и ухоженные деревья в мрачный багровый цвет. Гефорг едва не вывалился из

кареты от нахлынувшего волной ужаса. Его родной дом горел! Горел так, как может гореть только дом, которого никто не тушит... Или который уже некому тушить!

Далтон стеганул коней, посылая упряжку в яростный галоп. Почти сразу путники услышали, а через несколько мгновений и увидели кипящий на площадке перед парадным подъездом пылающего дома бой. Среди сражающихся Гефорг безошибочно узнал отца и старого друга семьи Регнара – выходца из древнего рода гномов. Сейчас Регнар остервенело вращал над головой огромный боевой топор, заставляя окруживших их противников держаться на приличном расстоянии от мерцающего круга, очерченного широким лезвием. Вокруг убитыми или ранеными валялись уже несколько окровавленных солдат в форме городского гарнизона. Спина к спине с гномом стоял его отец – Нарлинг-старший. Он почти не шевелился, лишь выставляя перед собой клинок меча. Было заметно, что у него совсем не осталось сил. Тем не менее сейчас оба они пытались отступить к пылающему дому, хотя спасение это принести вряд ли могло.

– Быстрее к ним! – закричал Гефорг, с трудом переборов шок. – Мы вытащим их на повороте! У нас быстрые кони, и на тракте нас никто не догонит!

Далтон, словно раньше, чем прозвучали слова молодого Нарлинга, услышав команду, уже вовсю нахлестывал коней. Карета, как выпущенный из пращи камень, рванула к пылающему дому. Могучие кони, несмотря на немалый проделанный ими сегодня путь, почувствовали настрой своих хозяев, а может, реагируя на ревущее пламя или запах крови, напряглись, превращаясь в пышущий мощью снаряд. А Далтон все кромсал уплотнившийся воздух кнутом, думая лишь об одном – не подвести ставшего практически другом Гефорга и вытащить из передраги Нарлинга-старшего, всегда бывшего хорошим хозяином.

– Приверженцы Таллара! – громыхал звучный голос руководящего стражей инквизитора. – Либо вы искупите грехи свои, сдавшись, либо смерть и вечные муки в Бездне Мрака ждут вас!

Ревущий, как разъяренный медведь, Регнар и отец Гефорга Вердис Нарлинг медленно отступали к пылающему дому. К ним, непрестанно озираясь на своих товарищей, подступали городские стражники, ведомые изрыгающим проклятия и обвинения инквизитором. Кое-кто из горожан пришел посмотреть на зрелище, и сейчас немало зевак стояло в стороне, молча наблюдая за происходящим. Большинство из них всю свою жизнь знали Нарлингов, являясь «старыми соседями». Да и семейного друга Нарлингов – гнома Регнара – видели не впервые. Однако теперь никто не осмеливался оспорить слова инквизитора. Кто-то просто боялся, кто-то даже получал от зрелища удовольствие. И тех и других объединяло понимание того, чем чревато сопротивление этим рьяным защитникам человечества от сил зла. Среди жителей Дарграда ходили и множились жуткие слухи, один страшнее другого, о том, каким пыткам подвергают инквизиторы неверных. А долго ли любому из простых смертных по одному мановению инквизиторского перста превратиться из добропорядочного горожанина в прихвостня богов Черного Трона?

Пламя пожара ревело, словно дикий зверь, остервенело пожирая стены старого дома. Крыша уже начала проваливаться, и огонь взметнулся в темное небо с новой силой, освещая все вокруг зловещим заревом. Стражники окружили защищающихся мужчин со всех сторон, выставив вперед основное оружие городской стражи – узкие алебарды на длинных древках. Вердис и Регнар, прижавшись спинами друг к другу, умудрялись отбивать эти неумелые атаки молодых, не имеющих настоящего боевого опыта воинов, руководимых инквизитором.

– Правь прямо на них! – закричал Гефорг кучеру, понимая, что, несмотря на очевидную воинскую слабость стражников, надеяться на то, что его отец и гном сумеют выпутаться из такой передраги, не приходилось.

Далтон направил экипаж прямо на темнеющие на фоне пламени силуэты солдат. За миг до того, как лошади втоптали бы их в грязь, кто-то закричал, предупреждая остальных, и стражники ринулись врассыпную, чудом успевая выскочить из-под самых морд могучих животных. Регнар, давно заметивший сумятицу среди солдат, обрадованно закричал, узнав карету сына Вердиса:

– Вердис-гин! – рывкнул он, толкая локтем своего старого друга.

Нарлинг-старший обернулся в тот момент, когда из замедлившей свой бешеный бег кареты на ходу выпрыгнул его сын.

– Сдавайтесь, приверженцы сил Мрака! И зачтется вам покорность и кротость перед праведным гневом Денмиса! И тем самым обретете надежду на спасение и проводника из Долин Смерти в Царство Света! – кричал инквизитор.

– Не болтай, Кристалл! Ты пойдешь теми Долинами впереди меня! – ответил медвежьим ревом Регнар.

– Что вы стоите?! – возопил инквизитор, обращаясь к солдатам. – Возьмите их! Мне они нужны живыми!

Смятение большинства солдат было вполне понятно. Многие из них выросли вместе с молодым Нарлингом и отлично знали друг друга. Только малая часть состояла из пришлых людей, подавшихся в городскую стражу на заработки или еще по какой нужде. Поэтому медлили – просто сражаться против безликих монстров, предавшихся Мраку, но совсем непросто поверить незнакомцу, пусть даже в немалом церковном чине, и по его приказу идти убивать людей, рядом с которыми прожил большую часть жизни.

Да и отсутствие боевого опыта сказывалось весьма серьезно. Одно дело разгонять зевак, наводя порядок на городской площади или гоняясь по рынку за малолетним воришкой. Другое – когда в руках противников настоящее оружие, и руки эти не дрожат и знают, как с этим оружием обращаться.

Гефорг, выпрыгнув из кареты, едва только скорость стала снижаться, пробежав несколько шагов и не потеряв равновесия, выдернул из ножен свой меч. Он совсем не горел желанием сражаться, и даже более того – боялся настоящего боя, наверное, так же, как и молодые стражники. Но страх за отца и вид пылающего дома придали ему недостающей решимости. А может, даже и сам страх заставил взяться за меч, подобно тому как загнанное и напуганное животное пытается отбиться от хищника, хоть и не отличается при этом ни яростью, ни отвагой.

Стражники, разогнанные упряжкой крепких коней, вновь собирались в некое подобие строя. Молодой Нарлинг взглянул на гнома – Регнар все так же вращал огромным топором над головой, медленно отступая к карете.

Со стороны ближайшей городской улицы показалась группа стражников с луками в руках. Это мгновенно внесло дисбаланс в расклад сил и очень осложнило положение защищающейся стороны. Дело явно принимало дурной оборот.

– Схватить непокорных слуг Зла! – вскричал инквизитор, заходясь в яростном крике от праведной ненависти.

Лучники приняли этот крик за команду и не заставили повторять дважды – в воздухе замелькали росчерки стрел. Вердис Нарлинг негромко вскрикнул от боли – одна из стрел, выпущенная со столь близкого расстояния, вошла между звеньями его кольчуги.

– Не стрелять! – крикнул инквизитор. – Взять их живыми!

– Отец! – закричал испуганно Гефорг, увидев, как ранили его родителя.

Гном успел только обернуться к другу, когда Нарлинг-старший тяжело осел на землю. Вердис пытался рукой зажать рану с торчащей из нее стрелой, но кольчуга не позволяла этого сделать, и темное пятно крови стремительно расползлось по надетой поверх кольчуги просторной рубахе. Вместе с кровью вытекали из его тела силы, и хоть другая рука все

еще крепко сжимала рукоять меча, но по вмиг побелевшему лицу и потухшему взору было заметно, что Нарлинг-старший вскоре уйдет в Долины Смерти.

– Помогите отцу! – скомандовал Регнар, едва кивнув Гефторгу. – А я постараюсь немного отвлечь их!

Гефторг и не задумывался ни о чем другом, кроме помощи отцу. Подхватив Вердиса под руки, он торопливо поволок его к распахнутой двери кареты. Полыхнула молния, на краткий миг осветив все вокруг мертвенно-бледным светом. И в этом свете Гефторгу вдруг почудилась высокая темная фигура, стоящая за границей освещенного пожаром круга. Словно неведомый наблюдатель, стараясь остаться незамеченным, следил за происходящим. Далтон торопливо спрыгнул с козел, и вместе они смогли затащить Нарлинга-старшего в карету. Тем временем гном, ревя и бешено раскручивая свой боевой топор над головой, кидался в сторону ближайших стражников. Солдаты испуганно шарахались, а разъяренный гном оставался и кидался в другую сторону.

– Кто тут хочет первым добраться до чертогов вашего Денмиса или посетить призрачные Долины Смерти, обещанные вашим возлюбленным инквизитором! – бесновался он, ни на мгновение не останавливая смертельного полета широкого лезвия топора.

Едва Нарлинг-старший оказался в карете, Далтон взлетел на свое место на козлах. Гефторг высунулся из раскрытой двери и всмотрелся во тьму, где привиделся ему странный силуэт. Но сейчас там никого не было. А может, просто какой-то куст в отсветах молнии показался юноше похожим на зловещую фигуру.

Сухо щелкнул кнут, черной тенью мелькнув над спинами коней. Гефторг выбросил из головы видение и крепче вцепился в рукоять на каретной стойке. Экипаж начал с ускорением разворачиваться.

– Остановить! – зарычал Кристалл.

И тут лучники, видя, что те, кто нужен был инквизитору, уходят, дали новый залп. Над самыми головами беглецов засвистели стрелы. Пара из них вонзилась в карету, расщепив древесину и едва не задев молодого Нарлинга. Сверху послышался сдавленный хрип, перешедший в неприятное бульканье. Вскинув голову, Гефторг увидел, как заваливается набок Далтон с торчащей из горла стрелой. Кровь тугими струями хлестала из страшной раны кучера, расплескиваясь по козлам и щедро орошая каплями грязь под колесами кареты. Экипаж еще не успел набрать скорости, медленно идя по кругу. Гефторг стиснул зубы и, подхватив свой меч, одним движением запрыгнул к умирающему другу. Все, что он мог сейчас сделать, – это удержать друга от падения и подхлестнуть коней. Но на самом деле задача оказалась совсем не такой простой, как могло показаться. Покрепче уцепившись за отворот плаща Далтона, молодой человек другой рукой поднял вожжи. Он запросто мог слететь с козел и погибнуть под колесами кареты или попасть в руки инквизитора. И то и другое выглядело примерно равноценным и совершенно не входило в планы молодого Нарлинга, поэтому он пошире расставил ноги, упираясь в подножку козел, и стеганул коней вожжами. Умные животные сами рванули к ведущей прочь от дома дороге, послушно ускоряя бег. Регнар едва успел запрыгнуть на подножку, продолжая размахивать топором над головой и отгоняя тем самым решившихся приблизиться к ускользящему экипажу стражников.

– За ними! Не дайте им уйти! – голосил инквизитор, вздевая руки над головой и выкрикивая слова боевой молитвы, призывая Денмиса обрушить на головы врагов гнев божий. Солдаты в отчаянии бросились вслед беглецам, а с неба ударили в землю, где только что была карета, три кривые молнии. Но увлекаемый могучими конями экипаж уже скрылся за поворотом – вряд ли было сейчас хоть что-то, что могло остановить эту скачку к городским воротам, за которыми ждала свобода.

Гефторг вспомнил, что стражи у ворот не оказалось, когда они только въезжали в город, – видимо, инквизитор стянул всех, кого только смог найти, к дому Нарлингов. Гном

перебрався с подножки внутрь кареты, а Гефорг беспрепятственно направил коней через распахнутые ворота.

Глава 5

Всепоглощающее горе смерти

Дорога бежала через густой лес, за которым расположилась небольшая деревушка. До деревни было недалеко, однако Вердис Нарлинг, судя по его состоянию, вполне мог отдать душу Денмису на полпути к ней.

Регнар подсел к лежащему на одном из диванов Вердису. Старшему Нарлингу становилось все хуже – стрела не давала краям раны сойтись, и кровотечение оставалось все столь же сильным.

Дождь вновь хлестал холодными струями, легко пробираясь за воротник и пропитывая тяжелой водой одежду. Молодой Нарлинг пытался не думать, что рядом лежит мертвый друг, а за спиной истекает кровью в тряской карете раненый отец. Гефорг старался не думать и о том, что могло случиться с его матерью и родной сестрой. Он просто сжимал в руках вожжи, словно бы со стороны видя себя управляющим скачущими прочь от страшной беды лошадьми.

Ночь уже вступила в свои законные права. Размытую ливнем дорогу даже днем наверняка невозможно было бы разглядеть сквозь непогоду и глубокие разлившиеся лужи, а теперь ливень и тьма наступившей ночи превратили безумную скачку в подобие бега с закрытыми глазами меж стволов лесных деревьев.

Лес немного отступил от дороги, расширяя обзор, но на одном из поворотов карета, заскользив по грязи, толкнулась колесами в бугристую обочину, накренилась, взрывая ободами чахлую траву, и, заваливаясь набок, опрокинулась в придорожную канаву. Кони, пытаясь оторваться от дернувшей их в сторону упряжи, тоже сошли с дороги, еще больше утаскивая экипаж на обочину. Гефорга выбросило в густую слякоть.

В ужасе от мысли, что он мог своей оплошностью окончательно погубить раненого отца, юноша, поскользываясь, сплевывая набившуюся в нос и рот грязь, пытаясь протереть невидящие глаза, кое-как выбрался обратно к лежащей на боку карете. Струи ливня помогли справиться с грязной пеленой, и Гефорг увидел картину нанесенных им разрушений: лежащая на боку покореженная карета, из которой Регнар осторожно вытаскивал Вердису; кони, беснующиеся в перекошенной упряжи; лежащее в нелепой позе, словно сломанная кукла, тело Далтона. Сердце молодого Нарлинга, грозя вырваться, с бешеной скоростью колотилось в груди.

Юноша бросился на помощь, и вдвоем с гномом они аккуратно, насколько это можно было сделать в такую погоду, перетащили Вердису на мокрую, но чистую траву среди деревьев и уложили его на шерстяной плащ Гефорга, извлеченный из дорожного мешка. Вердис хрипел, дергаясь, словно бы силясь усесться, но сил не доставало даже для столь простого действия. Гном положил другу руку на плечо, и тот оставил бесплодные попытки, с натугой через силу дыша. Еще в карете Регнар обломил древко стрелы, стараясь унять кровь. Но рана была слишком серьезна, да и крови Нарлинг потерял уже слишком много. Даже сильный дождь не успевал смывать вытекающую из раны кровь, смешивая ее с грязью дороги.

Умиравший отец лежал у ног Гефорга, и тот совершенно ничем не мог помочь. Горе и отчаяние захлестнули Нарлинга-младшего. Даже в ночной тьме лицо Вердису выделялось мертвенно-белым пятном. Гефорг до хруста сжал зубы, с усилием сплотнул вставший в горле ком и застонал от бессильной ярости.

– Что же это происходит с нами! – едва слышно выдавил молодой Нарлинг.

Сильные руки гнома заставили его сесть рядом с отцом.

– Он умирает, дружок, – сказал гном, обращаясь к молодому человеку. – Тебе пора с ним попрощаться.

– Нет! Этого просто не может быть. Отец не может сейчас умереть, – зашептал Гефорг, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. – Только не сейчас...

– Ты должен проститься с отцом, – тихо повторил Регнар. – Иначе потом будет поздно. Хорошо, если перед уходом в Долины Смерти он будет чувствовать своего сына рядом. Возьми себя в руки.

С трудом справившись с предательскими слезами, которые из-за дождя остались невидимыми для гнома, Гефорг склонился к умирающему. Гном тоже опустился на колени рядом со старым другом.

– Отец... – едва слышно проговорил Гефорг.

Но как ни тихо это было произнесено, Вердис услышал голос сына, а может, просто почувствовал его рядом. Он открыл глаза, совершенно ясные сейчас. Улыбка коснулась его губ.

– Ты наконец-то вернулся, сынок, – хрипло прошептал Нарлинг-старший. – Ты сильно изменился за эти годы... Возмужал...

– Да... отец...

Язык не слушался, слезы душили Гефорга, мешая говорить, заставляя срываться голос.

– Ты присмотри за ним, – попросил Вердис Регнара. – Он только выглядит совсем взрослым. Но... Мой сын...

– Не волнуйся, Вердис-гин. Я не оставлю твоего сына одного, без присмотра, – заверил гном, опуская голову и стискивая своей мощной ладонью ослабевшую руку Вердиса. – Сын моего старого друга и для меня как родной сын. Даже не сомневайся. Лучше отдохни. Тебе стоит поберечь силы.

– Он теперь твой, – заговорил Вердис, вновь обращаясь к сыну и протягивая нетвердой рукой свой меч рукоятью вперед. – Этот меч... Пусть теперь послужит тебе...

– Отец, не двигайся, ты потерял слишком много крови, – сказал Гефорг. – Умоляю, побереги силы.

– Нет, сын мой, мне уже можно... – Вердис зашелся в кашле. – Уже можно все... Ты, твоя сестра, Эйдис – теперь вы остались одни...

Несколько долгих мгновений Нарлинг-старший собирался с силами, надсадно дыша. Каждый вздох давался ему с таким трудом, что казалось, следующего уже не будет. Но Вердис пересиливал себя и с хрипом втягивал воздух вновь. Наконец, немного отдышавшись, он зашептал опять:

– Гефорг, ты отправишься в Эртию, к Верховному Иерарху Денмиса. Его зовут Зарим. Он должен хорошо помнить меня. И даст грамоту, подтверждающую, что род Нарлингов чист перед богами Белого Трона и не запятнан Мраком. Зарим подтвердит, что никто из Нарлингов никогда не был приверженцем богов Черного Трона. Восстанови имя Нарлингов... Сын...

Вердис слабел с каждым произнесенным словом, словно для разговора ему требовались слишком большие усилия. Голос его становился все слабее, и последние слова Гефорг едва расслышал. С ними затихло и хриплое дыхание.

– Прощай, мой добрый друг.

Регнар закрыл глаза и зашептал древнюю молитву подгорного народа. Он просил Аррага принять Вердиса Нарлинга, как храброго воина, равным среди равных в Чертогах Доблести.

– Отец?! – воскликнул Гефорг, чувствуя, как невосполнимая утрата наваливается на него непомерным горьким грузом.

– Он умер, дружок, – подтвердил гном, положив свою огромную ладонь на плечо юноши.

Гефорг качал головой, словно отказываясь верить в произошедшее. Слезы лились из его глаз, прячась в омывающих лицо струях дождя. Время остановилось для Нарлинга-младшего. Вернее, теперь уже просто Нарлинга. В голове его плескалось отчаяние, смешанное с бесконечным горем. Гном не трогал юноши, понимая его чувства. Время бежало, словно песчинки меж пальцев. Боль потери осталась, но появилась, пробившись сквозь толщу отчаяния, решимость исполнить последнюю волю отца, чего бы это ни стоило. Аккуратно, словно боясь потревожить сон, Гефорг снял перстень с родовым гербом с руки отца. Зажав его в ладони, юноша прошептал короткую молитву Денмису. Он принял решение, и слезы вмиг ушли, оставив только щемящую печаль от потери родного человека.

– Что с моими мамой и сестрой? – тихо спросил Гефорг, не отрывая взгляда от мертвого отца.

– Мать твоя тоже умерла год тому назад, – печально ответил гном.

– Как это произошло? – растерялся Нарлинг, с особой остротой вдруг ощутив, насколько многое изменилось в его жизни за эти годы.

– Ее прибрала неведомая болезнь, с которой не смогли справиться даже священники Денмиса.

– Не смогли?! – воскликнул с горечью Гефорг. – Может быть, просто не захотели?

– Не знаю, дружок, – спокойно пожал плечами гном. – Может, ты и прав. Может, ее действительно просто не стали спасать. Не мне судить о грязных интригах человеческого племени.

– Что произошло? Почему на вас нападали солдаты? – продолжал задавать вопросы Гефорг, пытаясь понять, что же происходит.

– Вначале заболела твоя мать, – спокойно начал отвечать Регнар. – Затем, после ее кончины, что-то изменилось в Вердисе. Он отослал твою сестру в Хитанию, а неделю назад прибыл Кристалл, и они с Вердисом не ладили. И сегодня с утра дом окружили. Слуги сбежали, но я проклят был бы Аррагом, если бы бросил твоего отца.

– Почему же он отослал сестру? – задумчиво проговорил Гефорг.

– Ну в этом вопросе проще разобраться. Всего и делов-то – поехать в Хитанию и все выяснить, – ответил гном, поднимаясь.

– Хитания, – задумчиво повторил Гефорг. – Я ни разу там не был. Если не ошибаюсь, там живет мой дядя, родной брат отца. Как же его зовут... Сейчас и не вспомню сразу. Мы будем добираться туда полтора цикла Горра, а то и больше.

Темное небо прорезала раздвоенная молния, осветив могучую фигуру гнома и склонившегося над отцом Гефорга. Вслед за всполохами громыхнул раскат грома.

– Нам надо в столицу, как завещал мой отец. Я должен исполнить его последнюю волю и сделаю это, – уверенным тоном сказал Гефорг.

Он стиснул в кулаке перстень с печатью и взглянул на гнома.

– Согласен, – подтвердил гном. – Хорошим же я был бы другом, если бы предложил сыну послушаться последней воли умирающего отца.

Гефорг поднялся и пошел освободить из упряжи ржущих лошадей. Возле перевернутой кареты он едва не рухнул в грязь, споткнувшись о тело погибшего Далтона. Да, прибытие в родной город оказалось совсем не таким, каким Нарлинг представлял себе. Возвращаясь после долгих лет разлуки, Гефорг был уверен, что его ждет счастливое и светлое будущее. Такое же счастливое, каким было его детство, проведенное в родном доме.

Юный Нарлинг освободил лошадей и привязал их к ближайшему дереву. Кони успокоились и теперь смирно стояли под обрушивающейся с неба водой. Когда молодой человек привязывал последнего коня, ему почудилось какое-то движение со стороны дороги, но, обернувшись, он ничего не смог разглядеть.

Регнар тем временем успел оттащить тела от дороги на скрытую от глаз лесную пропашину. Человек и гном начали копать могилу, пользуясь мечом и руками. Отбрасывая пропитанную ливнем землю, Гефорг пообещал самому себе, что вернется сюда позже и поставит памятник отцу, как он этого, несомненно, заслуживает. А до тех пор его, Гефорга Нарлинга, собственный меч будет постоянно напоминать о неизвестных могилах Вердиса Нарлинга и Далтона Пирта.

Когда с похоронами было покончено, Регнар и Гефорг встали возле могилы, мысленно воздавая последние почести погибшим.

– Отец, я клянусь, что восстановлю доброе имя Нарлингов и выясню, что произошло на самом деле! Я клянусь тебе, что отомщу за тебя! – произнес Гефорг, чувствуя, как горячие слезы вновь текут по щекам.

– Где бы ты ни был, Вердис-гин, знай, я присмотрю за твоим мальчиком, – пробормотал гном, до побелевших костяшек сжимая руками рукоять своего боевого топора.

– Далтон, ты был славным другом, и я благодарю богов за то, что они свели меня со столь достойным человеком, – добавил Гефорг, обращаясь к покойному другу.

Постояв еще немного в молчании, человек и гном так же молча развернулись, направляясь к привязанным у дерева лошадям.

– Знаешь, дружок, я терпеть не могу лошадей, – со вздохом напомнил Регнар, когда Гефорг стал отвязывать коней.

– Я помню это, – заверил Гефорг. – Но поверь, ехать на их спинах гораздо лучше, чем месить ногами дорожную грязь.

– Мы и так по самые уши в этой грязи, – проворчал гном, все же разумно подхватывая под уздцы одного из коней.

– Я не очень хорошо представляю, как нам лучше всего проложить свой путь, – поделился своими тревогами Гефорг, сооружая из длинного ремня с упряжи повод для двух «лишних» коней. – Тот инквизитор наверняка объявил на нас охоту. Не хотелось бы попасться в его лапы.

– Да, за ним не заржавеет, – согласился гном. – Но мимо нас никто не проезжал, а иного пути оказаться впереди нас просто не существует. Хотя, возможно, они уже подобрались к нам совсем близко и мы скоро увидим их.

– Тогда нам надо как можно быстрее попасть в столицу, к Иерарху Зариму, как завещал мой отец перед смертью.

– Тут до деревни рукой подать... – Гном с трудом забрался на лошадь и теперь пытался сладить с животным. – Самым разумным, на мой взгляд, будет поехать туда. Любой, даже самый великий путь начинается с малого. В деревне мы сможем дождаться рассвета, запасти продукты и водой, а главное, мы сможем решить, каким путем лучше ехать дальше. Тем более что ночь – не слишком удачное время для начала похода. Стоит поспать пару часов.

– Согласен, Регнар, – кивнул Гефорг. – Увар даст мудрость и поможет принять правильное решение.

Молния вновь прочертила на небе рваный узор, осветив поваленную карету, меч Гефорга, воткнутый в изголовье могилы Вердиса и Далтона, и двух всадников, удаляющихся по размытой дождем дороге. Гром загремел им вслед, словно предупреждая об опасностях на их долгом пути.

Глава 6

Неизбежность, идущая следом

– Закройте ворота! Будьте начеку. Еретики попались, но могут попытаться вырваться! Тогда вы тут должны не посрамить честь воинов Света! – закричал кто-то невидимый с того места, где был сейчас Экраим эль Нарим.

Еще миг назад Экраим торопливо шагал по дороге к воротам Дарграда, рассчитывая успеть на тот случай, если ворота города запирали на ночь. Но, не дойдя до распахнутых створов сотни шагов, он услышал торопливый топот нескольких людей и громкие команды разводящего.

Экраим скользнул к придорожным кустам, пряча лицо под тенью капюшона.

Мастерству незаметного присутствия эль Нарим обучился в совершенстве. Он умел казаться и тщедушным паломником, бредущим к лишь ему одному ведомой цели, и скрюченным старцем, едва переставляющим ноги под непомерным гнетом лет...

Но чтобы стать совершенным убийцей, способным затеряться в толпе, одного умения мало. Экраим мог стать незаметным. Не невидимкой, а чем-то никому не интересным, на чем не задержится даже самый внимательный взгляд. Заклинание, созданное магом Ложи Иллюзий, причудливой вязью покрывало левый висок и скулу эль Нарима показывая людям то, чего нет, и скрывая то, что есть. И это было не единственное заклинание на теле смуглого странника...

Ворота глухо лязгнули обитыми стальной полосой створами, грохнул брошенный в пазы запорный брус. Экраим вслушался в окружающий мир, стараясь получить как можно больше информации. Шум за воротами стих, лишь звучали приглушенно неразборчивые голоса переговаривающихся стражников. Откуда-то потянуло недобрым запахом гари. Таким, который никогда не получится от сгоревшего у нерасторопной хозяйки хлеба или убежавшей в печи каши. Тяжелый запах пожара, когда огонь не щадит ни домов, ни людей.

Смуглый странник пробежал к городской стене. Под его легким шагом, казалось, не пригибалась бы и трава, а уж утоптанная земля дорожной обочины и вовсе безмолвствовала. Коснувшись камня стены спиной, эль Нарим уже знал, что стена не является для такого человека, как он, сколь-нибудь серьезным препятствием. Слишком низкой построили ее жители города, уверенные в безопасности. Больше для красоты да чтобы охранить город от нежелательных путников, всадников и повозок.

Не тратя времени на подготовку, Экраим нащупал над головой выступ, уцепился пальцами одной руки и, легко подтянувшись, быстро стал карабкаться по кажущейся ровной стене вверх. Добравшись до вершины, он медленно подтянулся и, распластавшись, лег на самый гребень.

Прежде чем спрыгнуть на боевую площадку стены, Эль Нарим опять прислушался к окружающему. Сразу за стеной город освещался тусклым светом масляных фонарей. В сочетании с грязью от непогоды этот печальный свет лишь создавал еще больше кажущихся совершенно темными мест. Экраим невольно вспомнил большие города Наина: белоснежные крепости, взмывающие в колышущийся от зноя воздух стройные минареты, роскошь дворцов нагиров, причудливые сады у домов знати, высоченные стены с пугающими своей несокрушимой мощью башнями, а над всем этим чистые, усыпанные яркими звездами небеса.

Эль Нарим тряхнул головой, сбрасывая мимолетное видение, и бесшумно соскользнул с зубца на боевую площадку. Сейчас со стены совершенно явно виднелось зарево где-то на противоположной окраине Дарграда, и интуиция, которой Экраим привык доверять, настойчиво влекла его именно туда. Но прежде чем спешить на огонь, стоило подготовить себе путь

к возможному отступлению. Трое стражников, которым доверили сторожить ворота, сидели на корточках возле небольшого аккуратного костерка, пылающего на заботливо обложенном камнями кострище.

Плавным движением странник подхватил с земли пару камней размером в полкулака. Он уже определился, как именно поступит, и больше не размышлял, действуя словно хищник на охоте – одними инстинктами. Сократив расстояние от сидящих у костра стражников до десятка шагов, он коротким движением снизу от бедер, придавая ускорение в основном поворотом кистей, метнул подобранные камни. Одновременно с броском воин перешел на стремительный бег. Едва только запустив свое импровизированное оружие в полет, он уже знал, что попадет точно в цель. Двое крайних стражников кулями завалились в дорожную грязь, оглушенные точным попаданием камней. Единственное, что успел сделать третий, – поднять взгляд на набегающего воина. Тяжелые полы плаща взметнулись, а в следующий миг в голову начавшего подниматься стражника ударило колено перепрыгнувшего костер Экраима. Грохнувшись навзничь, стражник замер. Эль Нарим мгновение стоял, прислушиваясь, не укрылся ли от его внимания кто-то у ворот или в тесной конуре сторожевой будки, – но ничто не нарушало вечерней тишины.

Воин быстро перетащил всех стражников в будку и там различными частями их же одежды быстро и привычно связал, не оставив даже возможности движений. Покончив со стражей, он сбросил толстый запорный брус и потянул тяжелую створку ворот.

Оставив ворота открытыми, Экраим побежал туда, куда звало его чутье. Он был уже почти у своей цели, когда новая усмешка Судьбы выпала на его долю – дом, к которому он стремился все последние дни, пылал, бросая на все окружающее злое отсветы. В тот миг, когда Экраим вышел на расстояние прямой видимости, он увидел, что десятка два солдат наступают на защитников горящего дома, один из которых был ранен и второй тащил его к запряженной четверкой отличных коней карете. Солдатами же командовал человек в длинных одеждах инквизитора.

Эль Нарим всегда удивлялся – как в стране, где так сильна и беспощадна Инквизиция, столь глубоко пустили корни культы приспешников Мрака? Хотя не меньше его удивляло само появление Инквизиции. В странах Фиринского Царства поклонение богам Черного Трона не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Поклонение Мраку не запрещалось, но и было настолько редко, что власти не видели смысла запрещать его. На родине Экраима почитали Нахена и его мать – Судьбу. Силы Света или силы Мрака – для фиринийцев они оба являлись порождением Судьбы, которая определяла все сущее.

Пламя горящего дома взвилось особенно высоко, высветив всю сцену словно белым днем. Кулаки воина невольно сжались, когда в этих отсветах пожара он совершенно ясно увидел бледное лицо Вердиса Нарлинга. Тащивший его юноша поднял лицо, и Экраиму почудилось, что взгляды их встретились. Юноша вновь наклонился, чтобы втащить раненого в карету, а эль Нарим поспешно шагнул в сторону, совершенно сливаясь с темнотой придорожных зарослей.

Отбивающиеся воины попрыгали в рванувший с места экипаж, и лошади, буквально проломившись через оцепление из солдат, промчались на расстоянии вытянутой руки от наемника.

Следом понеслись проклятия и слова команд. Экраим проводил взглядом скрывающуюся за поворотом карету и задумался. Судьба вновь испытывала его. Практически достигнув цели, он вдруг упустил ее. И вот опять должен продолжать путь, увлекаемый зовом долга.

Со стороны горящего дома послышался конский топот. Эль Нарим обернулся и заметил двоих всадников, разительно отличающихся от городских стражников, выскочивших откуда-то из-за дальних деревьев. Экраим ни на миг не усомнился, что это такие же наемники, как

некогда был и он сам. Остановившись возле беснующегося инквизитора, всадники почтительно выслушали его команды, а потом пришпорили своих коней.

До поворота, за которым скрылся экипаж с беглецами, осталось не более полусотни шагов, когда из зарослей практически под ноги животным выскочила неясная темная тень. Ближний к зарослям конь от испуга встал, буквально вогнав копыта в землю и отворачивая голову от страшной для него тени. Он бы метнулся назад, но силы инерции не позволили столь радикально изменить направление движения. Однако всаднику хватило и этого – перелетев через голову коня, он кувырнулся в воздухе и с треском ломающихся костей рухнул на дорогу. Второй конь промчался мимо, не меняя траектории бега, но сидящий на нем наемник завалился набок, съезжая с седла. Со стороны можно было подумать, будто неопытный наездник просто не удержался в седле, если бы не темный фонтан крови, бьющий из шеи всадника.

Экраим уверенно ухватил ближайшего коня под уздцы, не позволяя ему сбежать. И животное, мгновенно почуяв присущим лошадям чутьем силу всадника, покорно замерло. Эль Нарим взлетел в седло, и лошадь сорвалась с места, подчиняясь его посылу. Оставлять тяжелый кинжал, который метким броском Экраим всадил в шею второго наемника, было жалко и неосторожно. Экраим нагнал замедлившегося коня с волочащимся на стремени трупом и, свесившись в седле, выдернул свой кинжал из тела убитого. Стремительным движением он даже успел перехватить клинком кожаный ремень стремени. Освобожденное от мешающегося под ногами тела животное умчалось в сторону ближайшей улицы, а Экраим уже всю погонял своего нового коня вслед за скрывшимся экипажем.

Видимо, Судьба сама направляла его – путь из неприветливого города был свободен.

Экраим быстро промчался через весь город. Ворота так и остались распахнутыми, как и надеялся эль Нарим. Но едва всадник миновал границу Дарграда, как в темном небе полыхнула молния. Конь вздрогнул от стеганувшего следом раската грома, но воин заставил его продолжить свой бег. И тут небеса разверзлись, и вода хлынула на землю, стремительно размывая дорогу.

Экраим едва слышно простонал, вновь мысленным взором обращаясь к своей светлой, прокаленной горячим солнцем родине. Погони слышно не было, а в такое непроглядное ненастье гнать коня во весь опор было чревато совершенно непредсказуемыми последствиями. Эль Нарим не боялся смерти, но вовсе не хотел умереть глупо, расшибив голову о невидимую за пеленой дождя ветку. Поэтому, едва выбравшись на тракт, воин придержал коня, здраво рассудив, что рано или поздно он настигнет того, за кем шел все последние дни.

Конь сам выбрал удобный для него быстрый шаг, а Экраим, поплотнее закутавшись в совершенно бессильный перед дождем шерстяной плащ, вновь с тоской вспомнил о родине. Там Око Увара – горячее и почти белое днем, кроваво-багровое на закате, решительное утром, когда его приход разгоняет не только ночную тьму, но и прохладу остывших за ночь камней и песка, давая жизнь великолепным садам на берегах рек и в оазисах Наина.

Возможно, города и цитадели Наина и не могли соперничать с великими городами предков, сумевших создать одно из могущественнейших и просвещенных государств – Фиринское Царство. И, наверное, боги забрали у людей часть разума, ибо великое и гордое царство пало. Пало не от какого-то грозного врага, но было разорвано распрями и тщеславием сильных мира сего на три части – Наин, Уфур и Рилабар.

Теперь лишь в сказках рассказывают о подвигах фиринийцев, а многие тайны сокрылись в прошлом. О былом могуществе напоминают только эти легенды да ореол загадочности вокруг покинутого по непонятным причинам в далекие времена города Архдар, чьи стены до сих пор несокрушимо вздымаются среди песков пустыни Шакхи...

Экраим вспомнил давние времена своего детства, когда он был еще ребенком. Тогда он чувствовал себя счастливым – рядом всегда были любящие и заботливые родители и доб-

рая родня. Гумар нель Нарим, отец Экраима, прислуживал при дворе Рамзан-нагир Зейята – одного из могущественнейших удельных владетелей Наина. Зейят являлся правой рукой Наместника Нахена. Все члены семьи Экраима работали при дворце Зейята – это было почетно и выгодно. В счастливом детстве все кажется простым, добрым и светлым. Особенно последний день. Экраим бегал на реку вместе со своей сестрой и тремя братьями. Все слуги ждали приезда самого Наместника, а потому отправили детей погулять, чтобы они не мешались под ногами. Жаркие лучи солнца, освежающий северный ветер, брызги воды, задорный смех сестры и братьев – вот что ярко врезалось в память Экраима. В тот солнечный день детство Экраима кончилось. Словно светлая полоса жизни в один день прервалась, и дальше была лишь борьба ради мести. Его тренировали и обучали выживать и убивать самые лучшие учителя, которые только были у Осмаха дель Порту – человека, заменившего ему отца...

Экраим очнулся от своих воспоминаний только потому, что в завесе дождя ему почудилось какое-то движение. Однако конь шагал все так же спокойно и размеренно, не чувствуя никакой опасности. Эль Нарим присмотрелся и прислушался, но, как ни остры были все его чувства, ничто их не тревожило сейчас. Лишь все так же лил ливень, делая лесную дорогу еще более темной и неприветливой. Струя холодной воды, воспользовавшись тем, что всадник, оглядываясь по сторонам, приспустил промокший насквозь капюшон, пробралась по спине до самых лопаток. Экраим невольно поежился и вновь натянул капюшон, предоставляя коню возможность самому разбираться с дорогой. Промокший плащ не спасал от непогоды, но создавал иллюзию защиты.

Впереди, едва заметный в дождевом мареве, помигивал теплый огонек. Оказавшись на окраине большой деревушки, которую не так давно он уже проезжал, эль Нарим придержал коня и спешил. Он не хотел бросаться в глаза или вступать в какое-либо общение, тем более что коня он получил, убив слуг инквизитора. Поэтому Экраим отпустил коня и, незаметно миновав мост, направился в сторону таверны с мерно покачивающейся на ветру вывеской. Именно с этой таверны он полагал начать поиск тех, кто сбежал из Дарграда на приметном экипаже.

Откинув капюшон, смуглый путник вошел в общий зал и поспешил затворить от непогоды дверь. В помещении посетителей находилось немного. Большинство в столь неурочный час уже разошлись по своим домам или разбрелись по комнатам. Экраим взял подогретое вино и, бросив на стойку пару монет, сделал обычный заказ: вино, мясо да пшеничную лепешку. Денег, что он дал, должно было хватить с излишком. Цель близка, и экономить не имело смысла – скоро все закончится.

– Мясо будет готово в один момент, господин. Вы и половину вина не успеете отпить, – заверила служанка и отправилась к другим посетителям.

Экраим устроился рядом с очагом, надеясь наконец просушить свой плащ. Никто не обращал на него внимания – все были заняты своими делами, и еще один путник-одиночка мало кого беспокоил.

– Я хотел бы переночевать у вас, – сказал эль Нарим, когда девушка принесла еду.

– Мне очень жаль, но мест нет, – ответила служанка.

Тогда Экраим попросил собрать вяленого мяса, сыра и бурдюк с кислым вином, разбавленным водой, в дорожный мешок.

Покончив с едой, Экраим, прихватив приготовленный хозяином постоялого двора мешок, закутался в высохший у камина плащ и вышел на улицу. Нужно было немного отдохнуть, перед тем как пускаться в дальнейшую погоню за ускользнувшей целью. Обойдя вокруг постоялого двора, он скрылся в предутренней тени у забора. Еще несколько осторожных перебежек – и наемник очутился в просторной конюшне постоялого двора. Большая часть денников была пуста. Однако, к удовлетворению странника, с пяток лошадей дремали

в своих стойлах, дожидаясь хозяев, заночевавших на постоялом дворе. Экраим бесшумно забрался на чердак с разваленным для проветривания сеном. Здесь он вполне мог и отоспаться, не привлекая ненужного внимания, и, в случае нужды, быстро уйти в нескольких направлениях. Найдя укромный уголок, смуглый путник зарылся в сено и мгновенно уснул.

Разбудил эль Нарима тревожный шум, донесшийся до него сквозь пелену сна. Экраим мгновенно проснулся, отлично выспавшийся и готовый к немедленным действиям. Когда он забрался сюда – едва светало, сейчас же на улицу опускалась ночная тьма. Это могло означать только одно: утомленный долгой дорогой и непогодой, Экраим расслабился, окруженный теплом конюшенного чердака и ароматом свежего сена, и проспал весь день. Это несколько не огорчало его, и в спокойной обстановке можно было вернуться в таверну, перекусить, а потом, под прикрытием ночи, отправляться в путь.

Но сейчас шум, который разбудил эль Нарима, не позволял расслаживаться, теряя время. Ни с чем перепутать доносящиеся до него звуки наемник не мог – на постоялом дворе шел бой, а это уже могло привести к ненужным последствиям для него.

Закинув мешок за спину и подвязав веревку так, чтобы котомка не болталась, он скользнул с чердака вниз, в проход между стойлами. Краем глаза Экраим заметил движение у лестницы, но, бросив туда взгляд, успел рассмотреть мальчишку лет десяти, торопливо прячущегося за мешками с овсом. Пострел не представлял опасности, поэтому эль Нарим сразу забыл о нем. Быстро осмотрев денники, он выбрал сильного рослого скакуна. Сдернув со стены одно из седел, Экраим быстро и привычно оседлал коня. Тем временем остальные постояльцы конюшни явно разволновались в своих стойлах. Может, на них тоже действовал шум боя, а может, это от Экраима сейчас веяло опасностью, как от попавшего в конюшню волка. Кони храпели и беспокойно топтались в своих денниках. Экраим распахнул ворота конюшни и, возвращаясь к выбранному коню, отпирал все попадающиеся по пути стойла, выгоняя коней и звонким хлопком ладони по крупу посылая их вперед, к распахнутым воротам.

Когда последний конь, взбрыкивая, ускакал прочь, Экраим взлетел в седло и, сжав пятками бока коня, вихрем выскочил из конюшни, затем со двора, а потом, перемахнув через невысокую изгородь, оставил позади деревню, надеясь, что Судьба укажет ему верный путь и поможет скорее закончить начатое.

Здесь ему нечего было делать, ибо человек, за которым он гнался, мчался сейчас в экипаже, запряженном четверкой отличных коней, где-то уже далеко от этого неприветливого места.

Глава 7

Гибель, породившая проклятие

Каким бы близким ни казался путь, но лишь к утру, промокшие, грязные и смертельно уставшие, Регнар и молодой Нарлинг наконец въехали в деревню по каменному мосту. Двуречье, а именно так называлась эта деревушка, принимало путешественников, странствующих как по земле, так и по двум рекам – реке Локсе, являющейся рукавом Темной Реки, и речушке Банле, которая несла свои воды от Молчащего озера мимо Дарграда, чтобы затем бурлящим потоком впасть в Шакское море.

В том месте, где разрасталась деревня, две реки проложили свои русла почти параллельно друг другу на небольшом расстоянии. Двуречье, сейчас удобно расположившееся на берегу Локсы, появилось сравнительно недавно, хоть и успело уже быстро разрастись. Слишком удобно оказалось расположение деревни. И у того, кто оказывался проездом в этой деревне, невольно возникал вопрос – отчего раньше никто не решился осесть в этих местах? Было бы правильнее называть ее даже не деревней, а небольшим городом. По крайней мере, деревня имела даже такую роскошь, как подчиненная деревенскому главе стража. Того и гляди невысокий забор из бревен, окружающий Двуречье со всех сторон, сменится каменной стеной. Тогда всего и останется – поставить городские ворота, ратушу да обустроить покрасивее центральную площадь.

Этими по-настоящему холодными осенними днями на постоялом дворе «Голова Орка» нашли приют многие странники. Кто-то заглянул сюда в поисках сытного завтрака и горячего очага, у которого можно было высушить вымокшую насквозь одежду, кто-то, оставив все силы на трудной дороге, надеялся на крепкий и спокойный сон. Некоторые посетители, правда, не собирались расставаться с деньгами ради мягкой постели. Зачем, если можно было эти деньги потратить с много большей, как они полагали, пользой – заказав у хозяина отменную выпивку.

– Хозяин, есть комната? – пробасил гном, когда они с Гефоргом протиснулись через посетителей к седовласому толстяку, разливающему вино из дубовых бочек.

– Вам повезло, – отозвался хозяин постоялого двора, доставая ключ. – Только что съехал один постоялец, и его комната свободна. Вы к нам надолго?

– На ночь, полагаю, – ответил Гефорг, поскольку гном уже топал в комнату, сжимая в руке ключ. – Сколько с нас?

Хозяин назвал цену, и Гефорг, заплатив, двинулся вслед за Регнаром.

Едва добравшись до предоставленной хозяином комнаты на втором этаже, они рухнули в кровати и, вопреки своим планам, проспали весь день.

Вечером Регнара разбудил гомон многочисленных посетителей, доносившийся из трапезного зала даже до комнат второго этажа. Гном поднялся и выглянул в окно.

– Как меня угораздило так долго проспать, – проворчал он вслух, одеваясь. – Но, с другой стороны, отоспаться нам было просто необходимо. Вполне можно позволить себе еще чуть-чуть задержаться, чтобы спуститься вниз и хорошенько перекусить, верно, дружок?

Регнар посмотрел на Гефорга и обнаружил, что Нарлинг все еще мирно похрапывает в своей кровати. Гном легонько пихнул Гефорга в бок. Увидев, что тот подскочил, изумленно хлопая глазами, Регнар с чувством выполненного долга вышел из комнаты. Какой смысл дожидаться друга в комнате, когда можно заниматься тем же самым за кружкой молодого вина или крепкого эля. Протиснувшись через посетителей и постояльцев, гном устремился к приглянувшемуся столику. Правда, в этот вечерний час совершенно все столы были заняты, но на этот счет Регнар не волновался, считая, что у него есть свой, особый подход к решению таких вопросов.

Сидящие за столом двое грязных пьяных охотников производили впечатление людей, которые сами по себе просто не в силах остановиться, пока в кармане есть хоть один медяк.

– Я считаю, что вам уже достаточно, – безапелляционно заявил гном, останавливаясь у нужного стола.

– Что? – хором переспросили охотники, поднимая на низкорослого гнома полные изумления взгляды.

Первые же их слова сопровождались таким перегаром от дешевой настойки, который перекрыл даже смрад их давно не мытых тел.

– Я со своим другом хотел бы утолить жажду и голод. Вы, судя по всему, уже достаточно выпили и закусили и вполне можете уступить свои места жаждущим, потому что, как вы могли заметить, свободных мест в этом чудесном заведении больше нет, – пояснил Регнар, нисколько не смущаясь.

– Ты слышал его, Сид?! Да он, похоже, совсем спятил, – искренне изумился один из охотников – огромный мужик с застрявшими в густой бороде кусками жира и крошками ржаной лепешки.

– Ты прав, Румс. Он наверняка полоумный, – поддакнул второй – плотный и широкий, будто пивной бочонок.

– Грешно смеяться над полоумными, – задумался тот, которого называли Румсом.

– Грешно. Но этого, я думаю, совсем не грех проучить, раз уж он так напрашивается, – возразил Сид, поднимаясь с лавки. – Иди ко мне, полоумный коротышка. Я преподам тебе добрый урок уважения и укорочу твою уродливую бороду.

Гном крикнул, поняв, что без потехи сегодня не останется. Возможно, он и не обратил бы внимания на слова охотника, если бы не два «но». Во-первых, судя по решительному настрою обоих, они вовсе не собирались следовать заповедям Аррага и проявлять заботу о страждущих. А во-вторых, и это было сейчас главным, этот грязный и пьяный охотник назвал Регнара «коротышкой». Вернее, «полоумным коротышкой». Да еще, вдобавок к этому, пообещал укоротить гному бороду. А это уже невозможно было пропустить мимо ушей.

Со сноровкой бывалого воина Регнар подался вперед. Чтобы разобраться с этими двоими, гному совсем не нужно было хвататься за оружие. Кулак Регнара врезался в челюсть так и не успевшего вылезти из-за стола Сида. Голова охотника запрокинулась назад, увлекая за собой все тяжелое тело. Румс просто отшвырнул лавку ногой, инстинктивно попытавшись подхватить падающего, словно спиленное дерево, друга. Но гном не дал ему это сделать. Двинув здоровяка под дых, он приложил согнувшегося от боли Румса коленом в голову. Отчетливо хрустнули ломающиеся зубы. Однако даже от такого сокрушительного удара здоровяк сумел устоять на ногах, лишь отступив на шаг назад. Тряхнув головой, охотник сплюнул кровь и обломки зубов, не сводя яростного взгляда с Регнара. Несколько мгновений они стояли друг напротив друга – гном посчитал столь скорую расправу над хамами достаточным наказанием за неучтивые слова и теперь стоял спокойный, но готовый к любому развитию событий.

Охотник, так и не сказав ни слова, попятился, отступая к пытающемуся подняться товарищу.

– Вот и славно! – улыбнулся Регнар, доставая из заплечного чехла свой огромный топор и аккуратно прислоняя его к стене. – Полагаю, что теперь я могу утолить за этим милым столом жажду и голод.

Двое охотников, стаяя и пошатываясь, направились к выходу, по пути спотыкаясь и расталкивая попавшихся на пути посетителей.

– А если Гефорг будет слишком долго собираться к ужину, то тем хуже для него. Самого вкусного может и не хватить, – хмыкнув, добавил гном.

Посетители, привыкшие к мелким стычкам, потеряли к нему интерес, едва только потасовка закончилась. Гном расслабленно рухнул на крепкую лавку, снимая и ставя прямо на стол свой боевой причудливый шлем.

– Ну ничего, он еще заплатит за это, – донеслась угроза до Регнара, перед тем как побитые им охотники вышли из гостиницы в ночь...

Почувствовав, как кулак Регнара врезался в его ребра, Гефорг проснулся. Удар не был действительно сильным, но оказался достаточным, чтобы изгнать сон. Поворчав немного для порядка, юноша неспешно оделся и, потянувшись, вышел из комнаты. Яркий свет заставил зажмурить глаза, а гомон множества посетителей и ароматы готовящихся блюд обрушились водопадом. В животе у Нарлинга немедленно заурчало, напоминая, что в последний раз он ел вчера за завтраком, то есть уже почти два дня тому назад. Поэтому Гефорг поспешил в трапезный зал, подгоняемый набросившимся на него голодом.

Ему предстояло еще отыскать Регнара, который, в чем Нарлинг ни на миг не сомневался, уже вовсю предавался чревоугодию. Гефорг еще раз отметил, что постоялый двор достаточно уютен, хотя такие мысли вполне могли быть порождением долгого крепкого сна.

Помня еще с детства скверный и неуживчивый характер гнома, Гефорг, еще только проснувшись, поймал себя на мысли, что опасается способностей гнома затевать ссоры в любом месте, где бы он только ни оказывался. Поэтому теперь, заметив друга в дальнем конце густо заставленного столами зала, юноша порадовался тому, что тот сидит за накрытым яствами столом целый и невредимый.

Пробраться к гному оказалось не таким-то простым делом. Мало того, что все столы оказались довольно тесно заняты, так несколько посетителей умудрились устроиться возле довольно узкой полки, по сути встроенной в стену доски, решив, видимо, перекусить хотя бы стоя, но в тепле и сухости. Погода не располагала к долгим поискам более просторного заведения, тем более что цен хозяин не ломил. Да и вряд ли для путника в этих краях была альтернатива: все же деревня, хоть и такая большая, – не город, где всегда найдется не один постоялый двор или таверна.

Вчерашний дождь во время пути от перевернувшейся кареты до постоялого двора в большой степени смыл грязь и кровь с одежды Нарлинга. Но полностью цивилизованного вида его одеянию не могло придать уже ничто. Куртка, а тем более штаны смотрелись сейчас не лучше, чем у какого-нибудь портового попрошайки. Кожаный плащ остался сохнуть в комнате, иначе он еще больше усугубил бы общую картину. Гефорг явно не производил благоприятного впечатления, о чем свидетельствовали косые, полные недоверия и настороженности взгляды тех посетителей, мимо которых он проходил. Возможно, они даже невольно проверяли свои кошельки, готовые при первом же подозрении поднять крик.

– Ну наконец-то! – донесся до Нарлинга рык гнома. – Я уж думал, вы дожидаетесь, чтобы я умер от старости! Определенно кухарка спит у печи.

Оказавшись наконец у стола, за которым восседал воинственно хмурающийся гном, Гефорг заметил, что гном не только успел заказать только что принесенную еду и выпивку, но и до этого расправился с первой порцией и того и другого. По крайней мере, служанка сгребла со стола несколько пустых разноразмерных тарелок и прихватила опустошенный кувшин.

– О, дружочек! – удивленно воскликнул гном, наполняя из вновь принесенного кувшина большую глиняную кружку. – Ты все же решил спуститься? Я и ждать-то тебя перестал. Вон даже и эля едва на одного едока заказал. Ты не представляешь, насколько медлительны здешние работнички. Они буквально спят на ходу. А о заказах добропорядочных посетителей просто забывают.

Гефорг пропустил возмущенные слова друга мимо ушей и, усевшись за стол, с аппетитом принялся за еду. После долгого ожидания, да еще раздраженный ароматами кухни,

желудок буквально зашевелился в животе юноши, словно нетерпеливый пес в предвкушении угощения. Тушеная с мясом картошка показали Нарлингу верхом изысканного вкуса.

– Давай-ка, дружочек, помянем добрых старых друзей! – предложил Регнар, успевший опустошить уже свою кружку и теперь расплескивающий пахнущий хлебом и травами напиток на двоих. – Выпьем за павшего от вероломного нападения трусов Вердис-гина! За твоего отца, мальчик мой!

Выглядающая в лапе гнома не такой уж и большой, кружка мгновенно опустела, отдав свое содержимое шумному любителю эля.

– За моего отца, – согласился Гефорг, делая большой глоток.

Гном крикнул, и Нарлингу показалось, что глаза Регнара заблестели от подступивших слез. Но, в следующий миг убедившись, что в кувшине ничего нет, гном полез из-за стола, намереваясь самостоятельно, не дожидаясь нерасторопных служанок, принести новый кувшин. Обратно за стол он вернулся не только с кувшином, но и с довольно весомым походным кожаным бурдюком, в котором путники держат воду. Остановившись у стола, гном аккуратно подвесил бурдюк под свою кожаную куртку.

– Воистину это заведение – худшее из всех, что мне довелось встречать в королевствах людей! – заключил гном, плюхаясь на лавку и вновь разливая эль из принесенного кувшина.

– И во многих королевствах людей ты бывал? – язвительно поинтересовался Нарлинг.

Гефорг за много лет, что они были знакомы, уже привык к вечному ворчанию гнома. Вопреки столь долгому общению, юноша в действительности знал о давнем друге семьи Нарлингов совсем мало. И то небольшое, что он обрывками фраз или услышанных в детстве взрослых разговоров помнил, казалось простыми досужими выдумками.

Характер у Регнара был достаточно скверный, а потому еще с детства Гефоргу постоянно хотелось чем-то поддеть кажущегося зазнайкой гнома. Однако другом Регнар Мраморная Стена был на редкость хорошим. И Гефорг, видевший их отношения с отцом, ни на миг не сомневался, что может в трудной ситуации положиться на гнома. И к тому же веяло от гнома тем ощущением силы, которое дает уверенность, что такой друг не отступится, не оставит, хоть даже будет наверняка обречен подобной преданностью на гибель. И одно только это уже позволяло Нарлингам не замечать всех недостатков гнома.

– Лучше бы ты не налегал на выпивку, – посоветовал Гефорг. – Нам завтра трудная дорога предстоит.

– Не ук-казывай мне, малец, что и к-как делать! – рыкнул на Гефорга Регнар. – Я пил добрый эль, когда тебя и в планах не было. И никто тут не сумеет меня перепить. Я и после десятка таких кувшинов буду способен пешком добежать до самой Эти... Эрити... тьфу – Эртии!

Глаза гнома уже блестели от количества выпитого, а язык слегка заплетался. И тем большей проблемой становилось переубедить его не делать чего-либо. Нарлинг только печально вздохнул, осуждающе покачав головой, и налил себе из кувшина еще немного эля. Что ж, раз друг категорически намерен сегодня набраться, Гефорг тоже может позволить себе чуть-чуть расслабиться. Тем более что им обоим сейчас вдоволь хватало печали, чтобы топить ее в хмеле.

Дверь гостиницы с грохотом распахнулась, и в помещение ввалились два охотника, которых недавно Регнар согнал с занимаемого ими столика. Следом за ними появились двое: один жрец в светлых одеяниях, второй в черной рясе. У жреца поверх светлых одежд покоился на золотой цепи символ Денмиса – круг с исходящими из него четырьмя широкими лучами, на которых поблескивали руны четырех стихий: любви, разума, времени и жизни – сильнейшей из стихий. У второго поверх черного одеяния также был святой символ, но немного отличающийся от символа Денмиса, – тот же золотой круг с четырьмя широкими лучами, но весь символ заключал в себе круг из черного железа.

Гомон, похожий на гул растревоженного улья, мгновенно смолк. Люди в любом городе, даже не совершив ничего предосудительного, вполне справедливо боялись этих священников в черных рясах, избравших своею стезей не наставление прихожан на путь истинный, а приведение в исполнение кары за преступления перед богами Белого Трона. И ничего удивительного в этом не было, ибо по одному их слову любой мог отправиться на смертную казнь или того хуже – на страшные пытки. На черном круге священного символа второго священника белым пламенем горели руны Инквизиции.

– Вон там он! – хрипло крикнул тот, которого звали Сидом.

– Да, точно! Это он! У него и вид как у Пораженного! – добавил Румс. – И взгляд! Аж мороз по спине! Одно слово – прихвостень Мрака!

Гефорг испуганно обернулся, ожидая увидеть буквально за своей спиной ужасающий облик этого исчадия богов Черного Трона. Внезапно в голове запульсировала паническая мысль, что виновный в гибели отца инквизитор настиг теперь и его – Нарлинга-младшего. И от того, что вместо прежнего инквизитора до Нарлинга добрался другой, легче не становилось.

– Нас нашли! – выдавил перехваченным от волнения горлом молодой человек.

– Именем Денмиса! – громогласно объявил инквизитор, обращаясь к гному. – Мы вынуждены задержать вас по обвинению в ереси.

– Это недоразумение! – возразил Гефорг, поднимаясь с лавки и панически стараясь придумать правильные слова в свое оправдание.

– Да уж, недоразумение, – ответил Сид, выходя вперед. – Ты, парень, не лезь. К тебе никаких вопросов нет. Пока. Иди себе. А этот приспешник Таллара сейчас получит свое!

Нарлинг с недоумением уставился на гнома, который отчего-то совсем не удивился и не растерялся от такого поворота событий.

– И правда, отойди, сын мой. Ты ведь не станешь помогать еретику, или хуже того – Пораженному? – елеинным голосом попросил молчавший до сей поры жрец. – Отойди, а то мы сочтем тебя пособником или того хуже.

Люди за соседними столиками, словно очнувшись от сна, зашевелились, спеша покинуть постоянный двор или хотя бы убраться в свои комнаты. Будто слова, сказанные только что инквизитором, относились ко всем ним. Потому и разбежались, стараясь как можно быстрее исполнить наказ «Отойди!». Тем более что не только страх перед карающей дланью инквизиции гнал людей прочь. Страх перед слугами богов Черного Трона, перед Пораженными, был не менее велик.

– Но это же невозможно! Вы ошибаетесь, – попытался объяснить Гефорг. – Это просто какая-то ошибка или недоразумение.

Регнар тем временем поднялся из-за стола, хмуро рассматривая клириков и тех, кто их привел.

– Сядь, дружочек, не пятнай имени Нарлинга унижениями и оправданиями! Это ты назвал меня Пораженным, уродливый слизень?! – тихо переспросил гном.

Его голос был хриплым, но четким, а в глазах разгоралось пламя пока еще контролируемой ярости. Он выставил свой толстый указательный палец, словно клинок, направляя его в грудь инквизитора.

– Ты назвал меня слугой Черного Трона?! – продолжал вопрошать Регнар, и голос его превратился в рокот далекого горного обвала, а рука, привычно подхватив со стола шлем, нахлобучила его на голову.

– Ты пойдешь с нами, – безапелляционно приказал жрец, только что ласково предлагавший Нарлингу отойти. – Или ты противишься воле Инквизиции, нечестивый?

При последних словах жрец вынул руки из-под рясы и наложил ладони на золотой символ верховного бога Белого Трона. Дальнейшее произошло настолько быстро, что Геф-

орг не успел не только ничего предпринять, чтобы предотвратить катастрофу, но даже и осознать ее стремительного приближения.

Инквизитор, сжав одной рукой медальон Денмиса, выкрикнул слова боевой молитвы. Вторая рука, уже направленная на гнома, очевидно, несла разрушение и гибель любому, пошедшему против воли богов Белого Трона, глашатаем которой на земле были его жрецы. Однако неизбежный, казалось бы, удар не достиг своей цели. Едва только услышав слова молитвы, Регнар молниеносно скользнул вперед, словно в причудливом танце подхватывая оказавшегося ближе всех Сиды. С пальцев инквизитора со скоростью молнии сорвалось нечто неосязаемое и полупрозрачное, словно сплетенные из голубого сияния бесплотные кристаллы. Они ударили, вонзились в тело Сиды, которым, как щитом, прикрылся гном. Человек забился, громко хрипя. Из рта его вырвалось облачко пара. Кожа стремительно побелела, будто тронутая небывалым морозом, а волосы и брови покрылись инеем. Сид рухнул на пол, корчась и умирая от холода, а Регнар уже заскользил дальше, плавный и неотвратимый, словно атакующий хищник. Топор, мгновение назад мирно стоящий у стены, оказался в его привычных к оружию руках, и, продолжая движение, гном расчертил древним лезвием сверкающую дугу, перечеркнувшую тело атакующего магией дознавателя.

Гефорг, ошеломленный происходящим, остолбенело пялился на сраженного заклинанием охотника. Но учитель фехтования недаром тратил на юношу свое время, а пережитые за последние сутки эмоции придали его реакциям истерично-отчаянную остроту. Молодой Нарлинг интуитивно успел выхватить меч и заблокировать удар, который наверняка снес бы ему полголовы. Жрец Денмиса, вооруженный извлеченной из-под длинной полы короткой булавой, утыканной шипами, надеялся устранить слабое звено в команде противника. Отбив второй выпад священника, Гефорг в останавливающем жесте выставил вперед руки, поднимая меч вверх и пытаясь объяснить происходящее недоразумение.

– Все совершенно не так... – проговорил он, понимая, насколько глупо сейчас выглядит.

Торопливо пятясь назад, юноша медленно опускал меч, больше всего боясь, что клирик бросится на него вновь и раскроит-таки череп своей страшной булавой. Неожиданно что-то попало под ногу Нарлинга, и, чтобы удержаться на ногах, он судорожно подался вперед. Инквизитор, заметив, что противник оступился, ринулся в атаку, надеясь быстро покончить с падающим юношей. Острый клинок вошел в грудь жреца, разрубая сердце. Оба на мгновение замерли, словно само время остановилось. Лишь взгляды скрестились как непримиримые клинки – один с плещущейся безмерной ненавистью, а второй с почти детским испугом за совершенное.

Размашистый удар Регнара отсек инквизитору руку. Взыв от боли, священник перехватил брызжащий кровью обрубок второй рукой и метнулся к двери. Но, как бы быстро ни постарался он сбежать от своей недавней жертвы, движения и реакции гнома были намного быстрее. Вряд ли Регнар размышлял над своими действиями. Он всего лишь завершил начатую атаку. Обратное движение топора выглядело столь же лаконичным и естественным, как движение маятника. Подобный боевому молоту, обух боевого топора впечатался прямо в голову разворачивающегося инквизитора. Брызги из осколков кости и обрывков плоти разлетелись по залу, словно топор расшиб обухом переспевший арбуз. Из тела, почти начисто лишившегося головы, ударил тугой фонтан крови. Мгновение постояв на месте, безголовое туловище завалилось на заляпанный жиром ближайший стол, щедро заливая столешницу и пол вокруг алой кровью.

– Проклинаю тебя именем Денмиса! Тебя и друга твоего! Никогда вам не найти покоя! И да покарает вас Денмис дланью сво...

Кашель, порожденный наполняющимся кровью легким, оборвал слова проклятия. Удивительно было и то, что священник вообще сумел столько сказать с разрубленным клин-

ком сердцем. Единственный короткий приступ кашля, забрызгав кровью Нарлинга, окончательно разорвал нити жизни, и жрец, так и не договорив своей предсмертной речи, обмяк, оседая на пол.

Гефорг, находившийся почти на грани безумия, в ужасе смотрел на лежащего у его ног жреца Денмиса, из груди которого все еще торчал зажатый в руке юноши меч. Нарлинг не мог разжать пальцев, чтобы выпустить рукоять. Пальцы свело судорогой. В то же время юноша не мог заставить себя вытащить клинок из груди мертвого служителя верховного бога Белого Трона. Ноги предательски подкосились, и Гефорг сам опустился на пол. Паника ураганом захлестывала его сознание. Он только что подписал себе смертный приговор. И великой удачей станет, если смерть его будет быстрой и легкой. Никто не поверит, что он не хотел убивать священника.

Помимо этого священник проклял его. Проклял, перед тем как уйти в Царство Света. А что может быть хуже такого проклятия? Теперь о быстрой смерти можно только мечтать.

Потасовка тем временем переросла во всеобщую свалку. Люди в зале орали, пытались выбраться наружу, но лишь мешали друг другу. Давя более слабых, постояльцы толпились у двери, пытались во что бы то ни стало пролезть первыми, разбивали окна, выпрыгивая в ночь.

Регнар пьяным взглядом обозревал весь окружающий его хаос.

– Труссы! – ревел он, воздев над головой окровавленный топор.

Кто-то от ужасающего вида гнома с гулким стуком упал в обморок. Кто-то заверещал, как пойманный заяц.

Взгляд Регнара остановился на сидящем рядом с распластанным священником Геф-орге. Взгляд юноши был устремлен в неведомую даль. Гном даже не стал пытаться докричаться до молодого друга. Вместо этого он просто подошел к юноше и, ухватив его за ворот, одним рывком поставил на ноги.

– Эй, дружок, пойдем отсюда. Тут нам делать больше нечего.

Стоило им направиться к двери, как вся толчея возле нее, словно по мановению мага, рассосалась. Стараясь побыстрее привести друга в чувства, гном отвесил Нарлингу увесистый подзатыльник. Юноша едва не свалился с ног, но взгляд его действительно приобрел осмысленное выражение.

– Что мы наделали, Регнар? – выдавил в отчаянии Гефорг, убирая меч в ножны и ускоряя свои движения.

Почти бегом они выскочили на улицу.

Вокруг слышались крики – то паникующе-напуганные, то заинтересованные. Оказавшись в безопасности, сбежавшие с постоялого двора посетители не могли победить своей обывательской натуры и оставались в рядах собравшихся зевак, чтобы посмотреть – чем же закончится это представление. А в том, что продолжение обязательно будет, никто не сомневался. Многие заметили быстро приближающийся со стороны реки отряд стражи. Внизу, в долине, начали загораться огоньки в окнах домов. Видимо, весть об убийстве двух священнослужителей разнеслась уже по всей деревне.

– Надо убираться отсюда, – сказал Гефорг, тоже первым делом заметивший спешащий к постоялому двору отряд.

– Трусость – плохое качество для воина, – возразил Регнар, поудобнее перехватывая рукоять боевого топора. – Мы примем бой и разгоним этих шакалов по их норам!

– Их слишком много, – не сдавался Нарлинг. – Наверняка вместе с местной стражей подойдут жрецы и лучники. Ты наказал тех, кто незаслуженно тебя обидел. Но убивать просто так жрецов и простых людей, сторонников Света, нельзя. Мы же не будем уподобляться Пораженным?

– Да, возможно, сегодня ты прав, дружок, – сдался Регнар. – Иногда, заметь, только в очень редком случае, имеет смысл временно отступить, чтобы ударить по врагу со всей нашей яростью!

Одним привычным движением гном вложил топор в заплечный чехол и поспешил за юным Нарлингом. К их удивлению, коней в загоне не оказалось. Зато, заметив движение в копне сена, Регнар выдернул оттуда мальчишку, ухаживающего на постоялом дворе за лошадьми постояльцев.

– Где наши кони, мерзавец?! – грозно зарычал гном, держа перепуганного конюшенного на весу за шиворот. – Куда ты дел их, человеческое отродье?!

– Это не я, клянусь! – взвизгнул малец, представив, что настал его последний смертный час. – Век мне землю жрать, если это я! Когда шум поднялся, тут темный человек пришел и забрал одного из ваших коней, а остальных, не только ваших, пустил в сторону Локсы. Вот чтоб мне провалиться на месте! Я в сене сидел тихо, чтобы он меня не заметил. Он страх какой страшный! Вот как на духу, чтоб меня перекосило, если вру...

Гном отшвырнул мальчишку обратно в копну сена и мрачно уставился на Нарлинга.

– Ну вот, дружок, мы и без лошадок остались. Добрые были лошадки, хоть и не могу не признать – я даже рад, что мне на них ехать больше не придется, – довольно пробасил Регнар.

– Да, придется идти пешком! – согласился раздосадованный Нарлинг.

– Хвала Аррагу! – подтвердил обрадованный Регнар.

Выбравшись на задний двор, они перемахнули через невысокий забор и быстро побежали в сторону недалекого леса, совсем скоро оказавшись под сенью вековых сосен.

Подошедший отряд стражи не уgomонился, а организовал некое подобие погони – со стороны постоялого двора доносились невнятные крики, а на пустоши замелькали огни факелов, приближающиеся к стене леса.

Но теперь, когда беглецы были скрыты лесной темнотой, они уже не опасались оказаться настигнутыми погоней. Перейдя с бега на быстрый шаг, друзья уверенно пробирались меж черных ночных стволов.

Двигаясь довольно быстро, они вскоре вышли на дорогу, ведущую от деревни на восток. Погоня осталась далеко позади – скорее всего, показав напускное рвение и устроив шум, люди не рискнули преследовать тех, кого сам погибший инквизитор назвал Пораженными. Да еще преследовать в ночном лесу, когда Рамит благословляет всех слуг Черного Трона.

Тучи поредели, открыв усыпанное звездами небо. На севере, сливаясь с бледным светом Горра, сияла, освещая путь силам Мрака в эту темную ночь, самая яркая звезда – Звезда Таллара.

Глава 8

Мольбы предсмертной безысходности

«Бежать!» – Мысль еще не успела сформироваться в сознании Элейн, а тело само рванулось к раскрытому окну. За ее спиной уже звучали торопливые шаги, поэтому на размышления не оставалось времени. Нужно было действовать быстрее убийц или умереть.

– Ты достал ее, Генрих? – прозвучал во тьме незнакомый голос.

– Нет! – крикнул Генрих и добавил: – Она уходит через окно!

Одним движением перемахнув через подоконник, Элейн стремглав понеслась к центру города – стража не любила воров, но слуг Мрака она убивала на месте, если не успевала поймать для публичной мучительной казни. Именно это служило для Элейн гарантией того, что никто из преследователей не станет звать на помощь стражу или поднимать шум. Они будут гнать ее сами, стараясь убить или захватить в плен.

Темный переулок манил своими тенями, словно обещая безопасность, и девушка побежала к нему. Она скорее почувствовала, чем увидела тонкое лезвие меча. Увернувшись от выпада, она припала на одно колено и, перекатившись, увидела молодого человека в странной серебряной маске, заносящего меч для повторного удара.

Прижавшись к стене дома, Элейн распрямилась и парировала удар меча выдернутым из ножен кинжалом. Высеченные от удара искры ярко вспыхнули в вечернем сумраке. Удар оказался настолько сильным, что девушку отшвырнуло на мостовую. Кинжал выпал из онемевшей кисти, а нога неловко подвернулась.

Из-за угла дома вышли еще двое молодых людей. Одетые в черное, они сливались с темными стенами домов. Лишь серебряные маски поблескивали на их лицах. Они загнали воровку в угол.

«Что ж, – мелькнула в голове девушки мысль. – Загнанная крыса дерется до самой смерти...»

Мысль девушки не успела сформироваться, как все трое бросились на нее.

Блеснуло лезвие меча, и в глазах девушки засверкали яркие белые искры, а затем мир начал быстро проваливаться во тьму.

– Не слишком сильно ты ее приложил, Генрих? – услышала она, прежде чем потеряла сознание.

Когда Элейн пришла в себя, она поняла, что привязана толстыми, крепкими веревками за руки и ноги к камню. Над головой девушки колыхались кроны деревьев, которые золотило закатными лучами Око Увара. Девушка поняла, что пробыла без сознания всю ночь и весь день. Камень, на котором девушка полулежала, был, вопреки ожиданиям, не холодным, но теплым, и Элейн вдруг почудилось, что по нему прошла дрожь, как если бы он был живым.

Девушка приподняла голову и увидела, как ужасные и нелепые создания складывают костер недалеко от камня. Неподалеку от монстров стояли трое – похитители, те самые похитители. На груди крайнего висели увенчанные алыми рубинами золотые ножны.

– Эй! – крикнула она.

Один из них повернул к ней голову, его лицо скрывала серебряная маска. Он сказал что-то остальным, и те направились к девушке.

– Господин! Вышла ошибка! – проговорила девушка, сиюсь улыбнуться.

– Ты слышал, Карл! – хохотнул один из них. – Мы ошиблись!

– Да уж, – ответил Карл. – Видать, Генрих хорошо приложил ее по голове.

– Не так уж чтобы совсем сильно, – отозвался подошедший последним Генрих – на его среднем пальце Элейн заметила то самое кольцо, которое она так неудачно решила украсть.

– Так что ты там говорила нам? – переспросил Карл. – Дрилл, ты не расслышал, что она там промямлила?

– Благородные господа, – стараясь говорить быстро и четко, произнесла Элейн. – Я никому не скажу, что вы тут делаете! Я вообще прямо сейчас направляюсь прочь от Ливинкрона и никогда больше в него не вернусь...

Тот, кого звали Карлом, неожиданно резко взмахнул кулаком, и речь девушки прервалась ударом в живот. Карл отошел, и из-под масок раздались смешки.

– Конечно, в Ливинкрон ты уже не вернешься, – подтвердил Дрилл. – Никогда!

Элейн захрипела и некоторое время восстанавливала дыхание.

– Ты пожалеешь об этом, – прохрипела она. – Вы знаете, что я дочь главы гильдии воров?! Да вас живьем сожру...

Генрих размашисто ударил ее по лицу, и Элейн ощутила вкус собственной крови – соленой и теплой.

– Отправляйтесь в Бездну! – Элейн сплюнула кровь. – Идите лизать задницу своему уродливому богу!

– Дорогая, – Генрих галантно поклонился, – мы конечно же пойдем к своему повелителю, но ты отправишься туда первой.

Этот жест вновь вызвал смех из-под масок.

Пораженные тем временем закончили складывать костер, и Элейн внезапно услышала стон позади себя.

– А вот и твой сосед очнулся! – хохотнул Генрих.

Элейн попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть, кого еще захватили эти приспешники Таллара, но ей это не удалось. Она лишь смогла разглядеть темные пятна крови на черном камне.

– Ну, старик, умоляй нас! – сказал Генрих, обойдя алтарь.

– Скорее я поцелую задницу орка! – услышала Элейн хриплый голос.

– Русто! – воскликнула она.

– Элейн! Это ты, девочка?! – ответил старый вор.

– Да, а ты как попал сюда?

– А он знал про мой перстень, – ответил за Русто Генрих. – Мы как раз справлялись у Анкланга, не видел ли кто кольца с гербом магистрата города, и тут приходит этот старикашка и говорит, что тварь по имени Элейн только что принесла часть вчерашней добычи да еще предлагала купить кольцо, но он отправил ее восвояси.

– Так меня отдал Анкланг?! – удивилась девушка.

– Нет, дорогуша, – ответил Карл. – Ваш уродливый главарь отослал нас прочь и еще поплатится за свою неучтивость и грубость. Но вот твоего ноющего парня и этого старика мы дождались на улице и прихватили с собой.

Око Увара ушло за горизонт, и темнота начала напозать из-за деревьев. Элейн вновь приподняла голову и увидела, как Пораженные зажигают костер.

– Вот и пришло время нашего праздника! – сказал Карл, доставая из висящих на поясе ножов кривой кинжал.

Ужас парализовал Элейн. Только теперь она в полной мере осознала, что ее ждет. По Ливинкрону давно ходили слухи, что в самых заброшенных местах Трущоб, где не появлялись даже отчаянные смельчаки, в темных лабиринтах канализации происходили поклонения Таллару. Магистрат замалчивал это, но вначале среди городской стражи, а потом и среди всех жителей слухи ползли и множились, словно чума. Тем более что не так давно в город приехал для искоренения этой ереси инквизитор по имени Валлинг.

Инквизитор произнес пылкую и жесткую речь о том, что слуги Мрака получают по заслугам и будут наказаны. И вот Элейн и ее старый друг Русто Эрлип, связанные, лежат на алтаре тех, кто должен быть наказан. Но наказана Элейн за свою жадность и глупость.

– Может быть, вы отдадите нас суду? – взмолилась девушка. – Пусть нас запрут в тюрьме!

– Ты смешная и глупая! – сказал Карл, отвернувшись от нее и закричал: – Таллар, повелитель наш! Царствуешь ты во Мраке, во тьме Бездны, среди Кровавого Моря и Вселенной Ярости. И братья твои, и сестры твои по Трону следуют Пути твоему. Рамит освещает тебе Путь во мгле бессмысленной боли Даклакуса! Геррада расчищает тебе Путь смертью среди отчаяния Зорнер! И Десидо следует за тобой, неся наслаждения, и Эсверре ступает перед тобой, даря просвещение!

Огонь от костра взвился до самых верхушек деревьев. Пораженные заплясали свой безумный танец. Карл стал медленно раскачиваться из стороны в сторону, словно подчиняясь неведомому ритму.

Затем Пораженные стали бессвязно петь, повторяя сказанные Карлом слова:

– Таллар, повелитель наш!..

Где-то за пределами мира, который понимала Элейн, во тьме ночного неба что-то зашевелилось. На чистое небо начали напозать тучи, а ритуал только начинался. Пораженные и трое в масках делали невероятные движения, словно марионетки, которых некто дергал за невидимые нити.

– Взываем к слуге твоему!

Неестественно изогнув шею, Карл развернулся и двинулся в сторону алтаря.

– Во тьме Кровавого Моря плоть жертв будет пищей тебе, и да насытишься ты, – шептали его губы. – И насытившись, вернешься ты туда, откуда был изгнан, и будешь ты проводником отца своего Таллара!

Карл двигался очень медленно. Ужас, испытываемый Элейн от происходящего, отступил. Начал накрапывать дождик, словно небо проливалось слезы о том, что должно сейчас случиться. Но вот Карл оказался у алтаря. Пение Пораженных достигло апогея. Девушка зажмурила глаза, решив, что сейчас она умрет, но Карл прошел мимо нее.

«Бедный Русто», – подумалось ей.

Она как можно дальше повернула голову и заставила себя смотреть на происходящее. Пораженные теперь двигались быстрее и более слаженно. Элейн заметила, что пламя огромного костра вспыхивает в такт движениям приспешников Мрака.

И вот жертвенный нож оказался над жертвой. Элейн почувствовала, как осязаемое зло сгущается возле алтаря. Карл сделал едва уловимое движение – и с губ старика сорвался крик, переходящий в стон.

– Таллар! Яви нам слугу своего, говорящего устами твоими и несущего истины Бездны Мрака! Отвори Базилику Демонов! Я призываю Азареля!

И Карл вновь опустил жертвенный нож, погрузив его в сердце старика, и Элейн почувствовала, как нагрелся жертвенный камень. Из-за неудобного положения ей было не видно, что происходит, но краем глаза она увидела, как от тела Русто пошел черный дым. Тело старика повалилось с алтаря на землю, а затем Элейн увидела, как темная фигура дымящейся плоти встала и, испустив хриплый вопль, заговорила рокошущим голосом:

– Вы преклоняетесь перед силой, которая пройдет по этому миру и заставит подчиниться все живое единственной власти – Мраку, властители которой боги, восседающие на своих Тронах в Бездне Мрака.

Пораженные и трое в масках упали на землю в благоговейном трепете и замерли, ловя каждое слово. Запах гниения усиливался – человеческая плоть не могла долгое время выносить мощи нового владельца. Вперемешку с гнилью Элейн почувствовала, как запахло

гарью, но не гарью костра, а жженой плотью. Девушка увидела, как демоническая фигура, которая раньше была горбуном Русто, засветилась изнутри, словно по венам вместо крови тек жидкий огонь.

Демон подошел к Карлу и коснулся его рукой. Карл стал хрипеть от боли. Его тело содрогалось в конвульсиях, а из-под маски вытекали две струйки крови.

– Семь Молитв Смерти доступны тебе. – Тело начало тускнеть. – Используй их для прославления твоего повелителя.

Рука, возложенная на голову Карла, осыпалась пеплом. Вскоре и все остальное тело упало пустой мертвой оболочкой на землю. Пораженные вновь стали бешено плясать у костра и петь.

Карл, шатаясь, поднялся с земли и провел рукой под маской – рука оказалась вся в крови. Но он продолжил ритуал. Вложив в ножны кинжал, он присоединился в безумном танце к остальным приспешникам зла.

Но вот пение закончилось, и Карл вновь повернулся в сторону алтаря. Элейн поняла, что настали последние мгновения ее такой недолгой жизни. Она в очередной раз попыталась вырваться из удерживающих ее пут, но безрезультатно.

Двигаясь, словно марионетка в неопытных руках, Карл подошел к алтарю, на котором лежала девушка.

– Во тьме Кровавого Моря плоть жертв будет пищей тебе, и да насытишься ты, – повторил Карл слова ритуала. – И насытившись, ты вернешься, откуда был изгнан, и будешь ты проводником отца сво...

В этот момент внезапный рев прервал слова Карла и весь ритуал Пораженных.

Глава 9

Блуждающие во мгле страха

– И дернул тебя Рамит связаться с этими нечестивыми, – сетовал Гефорг, плетясь вслед за бодро шагающим гномом.

Гном по простоте душевной рассказал Нарлингу обо всем, что предшествовало кровавой стычке на постоялом дворе. И хоть рассказ гнома был акцентирован на злобном невежестве охотников, Гефорг понял, что именно Регнар стал причиной всего произошедшего.

– Из-за твоего каприза мы едва не потеряли свои головы. И еще можем потерять, если кто-нибудь узнает, что мы убили жреца и инквизитора. А еще мы потеряли свои вещи и коней. Хороша драка в трактире. Ты всегда так побеждаешь?

Регнар молча шагал, отлично ориентируясь в ночной тьме. Он старательно делал вид, что даже не замечает укоров друга, хотя и сам понимал, что юный Нарлинг во многом прав. И оттого гному становилось еще хуже. Он не сумел защитить старого друга, а теперь еще и втянул в большие неприятности его сына.

Гефорг ворчал на гнома, а мысленно пребывал в состоянии, близком к панике. И причина такого состояния была более чем оправданна. Если после трагедии с отцом он надеялся добраться до Верховного Иерарха Денмиса Зарима и восстановить доброе имя семьи Нарлингов, то что теперь ему делать, когда сам он стал убийцей священника, да не просто убийцей, а тем, на кого обрушилось проклятие умирающего жреца? И если раньше была надежда, то теперь он на самом деле превратился в изгоя. Изгоя, заведомо приговоренного к смерти.

Попробуй докажи теперь, что не специально прикончил этого святошу. Кто подтвердит, что Нарлинг даже в мыслях не держал драться вообще с кем-то. Да еще и Регнар мозги инквизитору вышиб.

– Сидели бы сейчас в тепле и уюте. Пили бы вино или пиво... А из-за твоего взбалмошного характера премся неведомо куда по лужам, с ног до головы в грязи, ночью...

Словно в насмешку над философствующим юношей боги подсунули ему под ноги толстый скользкий корень. Гефорг поскользнулся и, взбрыкнув в воздухе ногами, всем телом плюхнулся в грязь.

Зазвучала приглушенная ругань, а Регнар, с философским видом прислонившись к толстому стволу дерева, извлек бурдюк, купленный на постоялом дворе, и сделал большой глоток. Отчего не перевести дух и не сделать глоток доброго вина, пока молодой друг борется со своей горячей натурой.

По обе стороны дороги стеной стоял лес. Ветер зловеще завывал в корявых ветвях деревьев. Безоблачное ночное небо освещали Горр и звезда Таллара.

– Не ной, дружок, – посоветовал Регнар Мраморная Стена, оторвавшись от бурдюка с вином. – Не будешь ныть – и сразу дела в гору пойдут. И спотыкаться перестанешь. И дорога прямее станет.

Настроение гнома заметно улучшилось от пары глотков вина. Гефорг только беззлобно ругнулся в ответ.

Гном родился в Туманных Вершинах – королевстве гномов, граничащем с королевством Дионией. Он не любил вспоминать свое прошлое, и только по обрывочным фразам Гефорг знал, что гном чем-то не угодил правящему клану. Король Баргнер якобы отправил Регнара в Эртию послом от королевства Туманных Вершин. По большому счету это было пристойно оформленной ссылкой. Но тем не менее до Эртии гном не добрался. Вместо Эртии Регнар надолго обосновался в Дарграде. И вот теперь он считал семью Нарлингов своей родной семьей.

– Сегодняшняя ночь просто великолепна! Я чувствую, как исчадия зла шныряют между деревьями, – сообщил Регнар, вдыхая полной грудью густой лесной воздух. – Они совсем близко и не решаются напасть, но у меня так и чешутся руки отыскать работу для моего топора.

Гефорг шел медленно, внимательно вглядываясь себе под ноги, дабы опять не рухнуть в какую-нибудь придорожную канаву. Поэтому, не заметив, что гном остановился, Нарлинг врезался в его широкую спину, едва не разбив нос о макушку Регнара.

– Нам лучше не привлекать к себе их внимания, – встревожился Гефорг, невольно кладя ладонь на рукоять меча и вглядываясь в стену деревьев, где в колыхании ветвей почудились ему страшные тени. – И чего я с тобой связался на свою погибель. Ты точно нас обоих приведешь к беде. Лучше бы я один поехал в Эртию.

Гном сердито сверкнул глазами на Гефорга, но отвечать не стал. Несколько лет назад, когда только прибыл в Дионию из королевства Туманных Вершин, он сразу умудрился вляпаться в довольно щекотливую ситуацию. Свою лепту тогда внесли и беспробудное пьянство, и скверный характер гнома. Его попросту нашли мертвецки пьяным рядом с несколькими трупами горожан. Конечно же немедленно последовали арест и обвинение в тяжелых преступлениях. Улик хоть отбавляй, оправданий никаких, ситуация – хуже представить себе сложно. А сквернее всего в этой истории было то, что гном даже не мог вспомнить, что он делал накануне.

Регнар, казалось, уже ощущал на своей шее веревочную петлю или холодную сталь топора. И помощи ждать заблудшему гному в королевстве людей было совершенно неоткуда. Благодаря скверному характеру Регнар не только не смог найти себе друзей, но и даже не завел знакомых. Казнь была назначена, и не сносить бы Регнару головы, но накануне казни спасение пришло оттуда, откуда его не ждал никто. Гефорг Нарлинг, повсюду сопровождающий своего отца, который в те времена служил городским судьей, обратил внимание Вердиса Нарлинга на весьма странное обстоятельство. Видимо, зоркий глаз и сметливый ум подростка сумел сопоставить простые и заметные улики, оставленные без внимания разгневанными взрослыми. Всем убиенным гражданам перерезали горло, а у гнома при себе не оказалось никакого, даже самого захудалого, ножа. Древний боевой топор, составляющий все вооружение гнома, мог, словно масло, перерубить шею, но на столь тонкие разрезы, какие остаются от отточенного кинжала, такой топор не способен.

Да и имея такое оружие, задиристый и бешеный гном, пребывающий в состоянии довольно сильного опьянения, скорее изрубил всех на куски, чем возился бы с кинжалом.

Незадачливого гнома оправдали, а убийцу нашли, и с той поры Регнар искренне и бескорыстно дружил с Нарлингами, считая молодого Нарлинга и вовсе человеком, спасшим его жизнь.

– Не пора ли хоть немного передохнуть? – взмолился Гефорг после очередного своего падения.

– Нас и так очень сильно поджимает время, – возразил гном решительно. – А что, если эти трусы в деревне выслали за нами погоню? Вряд ли командиры дадут солдатам расслаживаться и отдыхать. И нам нельзя расслабляться. Я не хочу окончить свои дни на плахе. Моя смерть должна быть великой! Как смерть всех великих Витязей Аррага! И никого больше из рода Нарлингов я тоже не хочу хоронить. Раз уж ты вынудил меня побежать, то и бежать нам должно на совесть. И остановок у нас не будет, пока с ног не начнем валиться, уж это я тебе гарантирую. Поэтому не ной, дружочек, а давай, возьми себя в руки и топай.

С этими словами Регнар, ни с того ни с сего свернув с дороги, вломился в ближайший кустарник и, не забывая прихлебывать из бурдюка, упрямо начал продираться в глубь леса.

– Ты куда?! – воскликнул Гефорг, но он уже разговаривал с кустами, сомкнувшимися за низкорослым гномом.

– Погоня, дружок, – услышал в ответ Гефорг. – Нас в первую очередь будут искать на дороге.

Покачав головой и проверив меч в ножнах, молодой человек свернул с дороги и вслед за другом углубился в чащу. Кустарник и низкие ветви деревьев царапали лицо и рвали одежду, но Гефорг упрямо шел за гномом. Регнар кряхтел и сопел, проламываясь сквозь кусты.

С трудом догнав гнома, Гефорг изловчился и выдернул из его руки бурдюк с вином, уже прилично ополовиненный. Регнар от неожиданности остановился, удивленно вытаращив глаза на Нарлинга, и уже раскрыл было рот, желая потребовать объяснений, но Гефорг его опередил:

– Вот ты только что напоминал мне, что за нами гонятся. А от самого на весь лес несет винным духом. Да и кряхтишь ты так, что в Двуречье, наверное, до сих пор слышат.

Гном нахмурил брови и упер руки в бока, но Нарлинг, пряча бурдюк за пазуху, был непримирим:

– И бурдюк я тебе не отдам. Можешь на меня глазами не сверкать. Ты и так уже выпил достаточно.

– Я пил еще задолго до твоего рождения, дружок. И буду пить после твоей смерти. Так что не учи старших жить. И лучше сам прибавь шагу да под ноги смотри, а то как бы мне не пришлось таскать тебя по лесу, – сдался гном и, раздосадованно махнув рукой, вновь зашагал вперед.

Медленно, но верно два друга все дальше и дальше пробирались сквозь самую чащу. Небо подернулось пеленой редких туч, в которые то и дело прятался Горр, забирая с собой бледный свет. Тогда становилось не видно ни зги, но гном, по его словам, отлично чувствующий направление, продолжал неумолимо прокладывать путь. Гномы, как по слухам и эльфы, обладали способностью видеть в темноте. Это умение сильно помогало им жить в горах, под толщей камня, где они возводили целые города, а по туннелям, соединяющим все королевство гномов, можно было блуждать годами.

В который уже раз с глухим ударом Гефорг рухнул на землю. Его ругань с упоминанием Таллара, его матери, прочих родственников и мест их проживания сумела вызвать улыбку у притормозившего гнома. Гефорг с трудом поднялся с земли, весь заляпанный грязью и пожухлыми листьями. Выглядел он в таком обличье страшнее какого-нибудь Пораженного.

– Ты мне скажи, зачем деревьям столько торчащих корней? – ворчал, пытаясь хоть как-то отряхнуться, Гефорг.

– Все очень просто, дружок. Корни просто необходимы, чтобы, спотыкаясь, мы не забывали тех проклятий, которыми должны награждать Пораженных, разя их в битве! – лаконично ответил гном, шаря по карманам и все больше хмурясь.

– Что-то случилось? – поинтересовался юноша, видя столь странные манипуляции друга.

– Пораженный меня раздери! – раздосадованно выругался Регнар. – Я потерял свою замечательную древнюю трубку, которой очень дорожу. Вот незадача. Как я так мог?

– Печально, – ответил Нарлинг, не видя особого смысла расстраиваться из-за какой-то трубки. – В любом случае мы не сможем вернуться и поискать ее.

Гном прекратил шарить по карманам и молча продолжил путь.

В небе сверкнула молния, и заморосил дождик. Лес заметно поредел, но от этого не стал менее зловещим.

– Ну вот и дождались! – воскликнул Гефорг, у которого, в отличие от гнома, настроение только ухудшалось. – Теперь мало того что у нас есть все шансы нарваться на Пораженных, так мы еще и промокнем! Даже если мы выберемся отсюда, то точно сляжем с простудой!

– Да, промокнем мы точно. И простудиться можем запросто. И чтобы этого не случилось, давай сделаем по глотку из бурдюка, который ты у меня забрал, – хитро прищурился Регнар. – Доброе вино разгоняет кровь по венам и помогает в пути.

– Хорошо. Но только по одному глотку, – согласился юноша, чувствуя подступление холода от мокрой одежды.

Он вытащил бурдюк и, прежде чем отдать его другу, сделал приличный глоток.

– Эй! Мне-то оставь! Ты думаешь, что только тебе болеть не хочется? – возмутился Регнар, жадно припадая губами к оказавшемуся в его руках бурдюку.

Его глоток был намного больше того, который сделал молодой Нарлинг.

– Вот теперь никакая простуда не страшна, – довольно заметил гном. – Если ты, дружок, закончил исследование корней деревьев, мы можем идти дальше. Тебя впереди ждет еще много деревьев, расставивших свои корни. Но впредь постарайся издавать поменьше шума, а то тебя слышно на весь лес.

– Да чья бы корова мычала! – возмутился Гефорг.

Но гном уже шагнул дальше, бесцеремонно забыв отдать бурдюк обратно.

– Ладно, спорить с тобой бесполезно, ты все равно ничего не услышишь за своим сопением, – махнул рукой молодой Нарлинг.

Долгое время друзья шли молча. Только гном изредка что-то ворчал себе под нос про потерю драгоценной старой курительной трубки и других вещей, оставленных на постоялом дворе. Время от времени он тайком прикладывался к бурдюку. Погода окончательно испортилась, и тонкие струи воды, падая с неба, стекая с деревьев, создавали плотную стену дождя.

Наконец терпение у Нарлинга закончилось. Догнав ушедшего вперед гнома, он тронул его за плечо:

– Слушай, Регнар, а мы случайно не заблудились?

– Вот еще! Как тебе такое в голову пришло? Да перед тобой один из лучших следопытов, дружок. Я и слово «заблудиться» – просто несовместимы, – гордо заявил Регнар с нотками возмущения в голосе.

– Да уж, несовместимы. Вот только это поваленное дерево я видел уже раза два...

– Это лес, дружок. Тут часто падают деревья. Лес большой, и упавших деревьев тут может быть сколько угодно. И вообще – заканчивай морочить мне голову. Вначале корни, теперь поваленные деревья, – кто у тебя дальше виноват будет? Грибы или ягоды? Вон я из-за тебя в лужу наступил.

С этими словами гном уселся на ствол поваленного дерева и принялся выливать воду из сапог, не забыв перед этим сделать глоток из бурдюка.

Гефорг присел рядом и похлопал Регнара по плечу.

– Не хочу тебя обижать, Регнар, но мы действительно заблудились. А все из-за того, что ты слишком часто прикладываешься к этому бурдюку...

– Да ты что, щенок! Хочешь сказать, что я пьян? – Гном вскочил на ноги и неловко покачнулся. – Да для меня это вино – что вода: ни в одном глазу.

– Тогда что ты скажешь вот на это? – спросил молодой Нарлинг и протянул небольшую вещьцу гному. – Это твоя трубка, которую ты недавно потерял! И я нашел ее как раз у пня этого поваленного дерева.

Регнар ошарашенно заморгал глазами и даже не сразу нашелся что ответить.

– Не может этого быть! – бормотал гном растерянно. – Кто-то специально сбивает нас с пути с помощью магии...

– Какой магии? – усмехнулся Нарлинг. – Ты просто пьян! Мы проходим тут уже не первый раз.

– Не может быть... Это магия. Нас заколдовали. Не может быть...

Трясущимися руками Регнар приложил бурдюк к губам.

– Все! Прости, но я должен тебя остановить для твоего же блага! – воскликнул Гефорг, ловко выдергивая бурдюк из руки друга.

Вскочив с поваленного дерева, Нарлинг широко размахнулся и со всех сил зашвырнул бурдюк в лесную тьму.

– Стой! – зарычал гном, вскакивая, но было уже поздно: бурдюк поглотила темнота осеннего леса.

– Мы заблудились в лесу, ночью, в дождь, а ты лакаешь винище и бормочешь какой-то бред о магии!

Сграбастав лапой отвороты куртки юноши, Регнар притянул его к себе, буквально подняв над землей.

– Ты забываешься, дружок! Может, я и пьян, но из ума еще не выжил! И запомни, я никогда не подводил друзей. И ты не пророк Аррага, чтобы говорить – что хорошо, а что плохо! Никто не может запрещать сыну Туманных Вершин делать то, что ему хочется.

Гефорг попытался вырваться, но безуспешно – гном держал стальной хваткой, словно куртку юноши прищемило основанием утеса. Достигая ростом лишь плеча Гефорга, Регнар вдвое превосходил его в ширине плеч и груди. Подгорный народ всегда отличался незаурядной силой и выносливостью.

– Хорошо, – сдался молодой человек, чувствуя, прямо перед ним стоит не старый добродушный друг семьи, но могучий воин, который приводил в ужас опытных рубак. А он, со своим юношеским запалом, явно перегнул палку. – Тогда выведи нас отсюда.

Регнар выпустил куртку Нарлинга, молча обул сапог и так же молча двинулся в чащу, сжимая в кулаке найденную курительную трубку.

Дождь вскоре закончился, и ветер разогнал редкие тучки, позволив Горру пролить свой серебристый свет на мир. Легкий туман поднимался над землей, покрывая понизу все вокруг. На ночном небе, затмевая свет остальных звезд и соперничая с сиянием Горра, горела яркая Звезда Таллара. Окружающее разительно изменилось, словно они по мановению длани мага вдруг оказались в другом мире. Теперь вокруг стояла странная, давящая, буквально осязаемая тишина.

После всплеска ярости гном совершенно успокоился и теперь уверенно шагал впереди. Шлем на его голове съехал набок, выпустив на свободу спутанные космы длинных густых волос. Сколько Гефорг помнил, этот странный шлем всегда был с Регнаром. Именно поэтому, отправляясь перекусить на постоялом дворе, гном захватил с собой шлем наравне с боевым топором. Регнар всегда утверждал, что этот шлем – ценнейшая семейная реликвия его клана. Поверить в это было сложно, потому как ничего особенного в шлеме не было. Обычный железный шлем сверху венчал довольно густой хохол рыжих волос, достаточно длинный для того, чтобы быть убранным в тугой хвост. Регнар всегда утверждал, что волосы этого гребня взяты из бороды его прадеда – величайшего воина гномьих родов, прославившего клан Мраморной Стены. Впрочем, такая мелочь, как происхождение волос на шлеме друга, заботила сейчас Нарлинга меньше всего.

Глава 10

Беспощадная кара справедливости

– Постой, Регнар, – окликнул Гефорг друга. – Подожди! Что-то тут не так.

Гном остановился и обернулся, грозно смотря на Гефорга из-под густых бровей.

– Я скажу тебе, что тут не так, дружок! – заговорил гном через несколько мгновений, повернувшись к Гефоргу. – Зло бродит по этому лесу, и мой топор жаждет крови!

Гном рубанул воздух топором и сплюнул на землю. Окружающий лес казался мрачным и враждебным.

– Туман, – выговорил молодой человек негромко, не обращая внимания на слова друга. – Странно, не правда ли?

– Обычный туман. Осенью это часто бывает, – пожал плечами гном, еще раз оглядываясь по сторонам. – Ты трусишь, дружок? Тебе не хватает бесстрашия отца или ярости твоего брата!

Порыв ледяного ветра заставил гнома прервать свои размышления.

– Ты слышал? – спросил Регнар, поднимая вверх раскрытую ладонь.

– Что слышал? – ответил юноша.

Какое-то время ночную тишину леса нарушал только скрип качающихся под редкими порывами ветра деревьев, но затем два друга вновь услышали странные звуки.

– Пение, – прошептал Нарлинг, чувствуя, как волосы на его голове встают дыбом от ужаса перед неизвестным.

Ветер опять пронесся над головами человека и гнома, и теперь уже можно было отчетливо слышать злое бесвязное подвывание, которое вначале казалось порождением ветра.

– Пойдем-ка отсюда подобру-поздорову, – предложил Гефорг, разворачиваясь в сторону, противоположную источнику пения.

– Подожди, дружок, – зло проговорил Регнар, прищурившись. – Опять убежать хочешь? Так мы никогда не попадем к цели, если при каждом шорохе станем поворачивать в обратную сторону. К тому же сдается мне, что там происходит что-то очень нехорошее. Мне даже показалось, что я слышал детский или женский голос. Нет, не голос. Пожалуй, это плач! Может, нам наконец повезло и там случилась беда? Мы, конечно, сможем помочь! Похоже, Арраг вял моим молитвам, и слуги Мрака, злобные демоны творят там...

– Пить тебе надо меньше, чтобы ничего не казалось, – перебил гнома молодой Нарлинг, но взгляд друга буквально пробуравил его насквозь, и он, вспомнив недавние ощущения, замолчал.

– Ты можешь подождать меня здесь, если не веришь или боишься. А я пойду и посмотрю, что там.

Гном круто развернулся и устремился к источнику странных звуков. Некоторое время Гефорг стоял и изумленно смотрел вслед исчезнувшему в зарослях гному. Будь на то его воля, он не стал бы даже размышлять над тем, как поступить. Просто развернулся бы и ушел подальше от этих страшных звуков. Более длинная дорога намного короче, если ты, пройдя по ней, наверняка останешься в живых. А за последние пару суток в его жизни и без того произошло слишком много страшных и непоправимых событий, чтобы теперь еще и лезть очертя голову к новым смертельным опасностям. Инквизиторы не достали – так тут невеста что. Но хороший же он будет друг, если позволит погибнуть гному. Он и так потерял слишком много близких и дорогих людей, чтобы терять еще и Регнара.

Гефорг тихо выругался и поспешил вслед за Регнаром со всей осторожностью, на какую только был способен.

– Проклятый гномище, – бормотал Нарлинг, больно ударяясь головой об очередную толстую ветвь. – То он советует, не теряя времени, идти в столицу, то напивается в дым и заводит неизвестно куда, то бросается сломя голову на непонятные звуки. Попадем мы с ним в переделку, как пить дать попадем.

Увлеченный неравной битвой со скользкими корнями и жесткими ветвями, которые постоянно старались повалить Нарлинга в грязь или хорошенько стукнуть его, обязательно попав в весьма больное место, Гефорг какое-то время продирался сквозь кусты, совершенно не замечая ничего вокруг. Неожиданно раздавшийся грозный рев прервал все размышления и мысленные обвинения молодого человека. Не задумываясь о возможной опасности, он бросился на звук. Больше всего этот рев походил на боевой клич. А ведь именно в ту сторону ушел упрямый гном! Предчувствуя недоброе, Гефорг выхватил из ножен меч.

Внезапно лесные заросли оборвались, сменяясь довольно большой поляной. В дальнем конце поляны полыхал костер, вокруг которого копошились непонятные на таком расстоянии фигуры. Это вполне могли быть как представители какой-нибудь лесной нечисти, так и простые разбойники, устроившие на этой поляне свой лагерь. Фигуры металась в отсветах жаркого пламени, а на половине пути от Нарлинга до костра мчался во весь опор грозно орущий и размахивающий своим боевым топором Регнар. Атакующего явно заметили, потому как фигуры тоже устремились от костра навстречу гному.

– Проклятый гномище! – повторил, словно заклятие, Гефорг, со всех сил ускоряясь.

Гном тем временем почти добежал до костра и встретился с первой из непонятных фигур.

Гефорг ожидал быстрой и неминуемой смерти незнакомца, но тот выхватил какое-то оружие и умудрился отбить первую яростную атаку разъяренного гнома. И не только отбил, но даже внезапно перешел в наступление, пытаясь оттеснить Регнара. Больше всего Нарлинг опасался, что перестаравшийся с вином Регнар оказался в плену горячки, которая навевала ему свои видения, заставляя воспринимать вещи совсем не такими, какими они являлись на самом деле. Еще когда он бежал за гномом по лесу, набивая шишки о ветви, его воображение рисовало картину того, как невинные путники, остановившиеся на ночлег в неприятном лесу, в дополнение ко всему подверглись нападению ополоумевшего гнома. А учитывая, что гном этот являлся лучшим бойцом из тех, кого видел Нарлинг за свою жизнь, все для этих невинных людей могло сложиться совсем худо. Но сейчас Регнар еще не успел никого убить, встретив на своем пути на удивление сильного противника. Поэтому у Нарлинга вспыхнула надежда, что все еще можно исправить, а перед добрыми путниками просто извиниться и, чем черт не шутит, скоротать ночь с ними за общим костром и ужином.

– Хвала Трону, он слишком много выпил, – возблагодарил опьянение, отнявшее силы друга, Гефорг, изо всех сил стараясь быстрее добежать до костра. – А извиняться перед этими путниками он будет сам. Я и пальцем не пошевелю, чтобы помочь ему подобрать слова.

Расстояние между Нарлингом и костром сократилось настолько, чтобы отчетливо видеть происходящее. И тут от ужаса у него едва не подкосились колени: он рассмотрел, с кем дрался гном. Меч в задрожавшей вдруг руке Гефорга стал неимоверно тяжелым. Настолько тяжелым, что клинок опустился, коснувшись острием земли. В горле пересохло, а паника черным туманом поднялась из глубин сознания.

Гном сражался с Пораженным. С огромным четырехруким Пораженным, три руки которого сейчас твердо держали различное оружие. Гном увернулся от грубого двуручного меча, отбил удар короткого копья и отскочил на несколько шагов, когда Пораженный размахисто махнул тяжелой палицей.

– Регнар, отступаем! – выдавил крик из пересохшего горла Гефорг.

Он заметил, что от кучки «путешественников» отделились еще несколько фигур и теперь быстро приближаются. И их глаза горели мертвенно-желтым светом.

– Будь я Аррагом проклят навсегда, если брошу ее здесь! – взревел Регнар.

– Кого «ее»? Ты с ума сошел спьяну?! – заметался Нарлинг, понимая, что не сумеет ни переубедить гнома, ни сбежать, бросив друга одного, как бы страшно ему сейчас ни было.

– Они схватили девчонку. Хотят совершить свой гнусный обряд. Ты беги, дружок, а я их отвлеку.

С этими словами Регнар, покрепче перехватив рукоять боевого топора, яростно бросился на четырехрукого.

– Регнар, – только и простонал Гефорг.

Спешащие от костра Пораженные приблизились, злобно шипя, недовольные, что кто-то прервал их священный обряд. В ночном тумане Нарлинг с трудом разбирал неясные силуэты Пораженных. Мутация зла коснулась каждого из них. Глаза Пораженных – тварей, отмеченных богами Черного Трона, – сиявшие в темноте осенней ночи желтым пламенем Бездны, с нечеловеческой злобой смотрели на чужаков, осмелившихся помешать их ритуалу.

Гефорг перехватил поудобнее меч и с отчаянием обреченного ринулся вслед за другом в атаку. Инстинктивно отмахнувшись от набросившегося врага, Гефорг отрубил тянущиеся к нему клешни Пораженного. Это простейшее действие прорвало неведомую перепонку, которая не позволяла юному Нарлингу преодолеть свой страх.

Меч вдруг стал легче, а пальцы тверже сжали рукоять, словно Гефорг выпил какого-то волшебного эликсира. Следующий выпад юноши был уже совершенно осознанным движением молодого воина – коротким уколом меча он добил врага, только что лишившегося своих клешней. Пораженный испустил исполненный боли вопль и упал на колени, сгибаясь и пытаясь зажать обрубками рук рану на животе. Но тотчас же на место сраженного противника из темноты выскочили сразу три фигуры. Эти трое внешне ничем не отличались от обычных людей, словно мутация зла не коснулась их тел. Облаченные в дорогие черные одежды, они прятали свои лица за тисненными серебром масками верховного бога сил Мрака и владыки Черного Трона – Таллара.

Их вооружение вполне соответствовало общему облику – тонкие мечи, которые обычно носит знать. Подобно окружающим зверя охотничьим псам, черная троица медленно заскользила, окружая Нарлинга со всех сторон.

– Кто вы? – задал Гефорг глупейший из всех возможных вопросов, стараясь держать в поле зрения всех троих.

– Ты смешной, – насмешливо ответил один из противников, на груди которого болтались золотые ножны ритуального ножа. – Смешной и глупый.

– Глупый и уже мертвый, – поддержал второй.

Третий сделал стремительный выпад, целясь тонким быстрым лезвием в горло Нарлингу. Но именно в этот момент Гефорг поскользнулся на влажной глине, и клинок врага прошел мимо, а юный Нарлинг, сумев удержать равновесие, лишь почувствовал волосами прикосновение холодной стали. В следующий миг Гефорг с силой вогнал клинок в живот врага. Кровь хлынула темным потоком, щедро орошая без того влажную траву вокруг и струясь по лезвию меча. Хрипя и захлебываясь своей кровью, противник Гефорга рухнул в траву.

Регнару, в отличие от Нарлинга, приходилось сложнее – все остальные Пораженные, за исключением троих набросившихся на Гефорга, сейчас толпой кидались на гнома. Своими бестолковыми атаками эти Пораженные только мешали сами себе и тому огромному приспешнику зла, который первым встретил атакующего гнома. Регнар же не терял времени даром, полностью используя эту слабую сторону противника. К тому же он явно протрезвел, оказавшись в смертельно опасном положении. Одним из точных ударов он буквально пополам разрубил низкорослого уродливого Пораженного. Труп врага еще не успел упасть на землю, а гном уже лишил жизни следующего противника.

В центре поляны, где теперь кипел бой, громоздился мрачный алтарь из черного камня. С первого взгляда было заметно, что сооружение это создано в древние времена – вросшее в землю, испещренное древними рунами, покрытое пятнами, происхождение которых можно только угадывать. Распятая на жертвеннике девушка тщетно пыталась вырваться из крепких оков.

– Мы будем внимать Таллару! – выкрикивали Пораженные, которые до того, как отдаться во власть Мрака, были людьми.

Они непрестанно кружили вокруг гнома в попытках достать его оружием или рукой, но каждый раз подобная попытка лишала очередного Пораженного конечности, а иногда и головы.

Древние руны подгорного племени на лезвии боевого топора сверкали в тусклом свете костра, пылающего возле самого жертвенника и немного разгоняющего туман. Гном рубил своим топором, отсекая конечности, рассекая лица, превращая этот шабаш в мясорубку.

Если противники Нарлинга внешне совершенно не отличались от обычных людей, то на долю гнома пришлось все Пораженные. Большинство из них переменились настолько сильно, что в них едва улавливалась бывшая человеческая сущность. И вид этих мутаций был омерзительным. Впрочем, приземистому гному не нужно было искать причины, чтобы ненавидеть Пораженных. Сейчас он свирепствовал, словно неудержимый демон смерти, вырвавшийся на свободу и собирающий свою богатую кровавую жатву.

Гефорг, которому преподавал уроки фехтования опытный ветеран, считал, что весьма неплохо умеет обращаться с мечом. У него даже были боевые шрамы, которые молодой человек успел получить во время показательных выступлений студентов, ежегодно устраиваемых в Ас-Ангеле. Но все это – и уроки фехтования, и выступления студентов – было не более чем детским баловством, поскольку сейчас, в сравнении с гномом, Нарлинг выглядел нерадивым ребенком.

Гефорг извернулся и, отбив стремительную атаку, умудрился ударом в грудь смертельно ранить еще одного противника в черном одеянии. Последний из нападавших бросился вперед, в длинном выпаде преодолевая расстояние до противника, но Гефорг сумел парировать направленный удар в живот и ответным выпадом полоснул по противнику. Удар не достиг намеченной цели, но незнакомец в серебристой маске громко вскрикнул и, отпрыгнув в сторону, выронил из руки свой меч. Не думая больше о нападении, он зажал рассеченное лицо ладонью и, отступив, скрылся в зарослях.

Оставшиеся в живых Пораженные, осознав всю величину нависшей над ними смертельной опасности, начали в панике разбегаться. Их силуэты один за другим исчезали среди деревьев, растворяясь в ночной тьме и тумане.

Регнар замер, переводя дыхание и осматриваясь по сторонам. Он стоял на целом холме из трупов врагов и отрубленных конечностей. Сам он был залит кровью от волос шлема до толстых подметок ботинок. Вряд ли кто-то сейчас смог бы отличить этого перемазанного в крови и внутренностях врагов гнома с горящим безумным взглядом от Пораженного.

Только один из приспешников Мрака не спешил убегать или прятаться среди деревьев – четырехрукий огромный Пораженный, который первым набросился на гнома.

Гефорг бросился на помощь гному, не представляя пока, как им удастся справиться с таким ужасающим гигантом. Регнар по-звериному зарычал и, крутанув в руках свой топор, шагнул навстречу врагу, тесня его к огромному алтарю.

– Заходи сзади! – рыкнул гном, заметив, что друг приближается к месту их сражения.

Четырехрукий огромный монстр когда-то, судя по всему, был орком немалых размеров, но поражение Мраком оставило на нем свою печать зла. Подвергшись жуткой мутации, приспешник злого бога стал убийцей, марионеткой в руках богов Черного Трона, несущей

только смерть и разрушение на своем пути, – не куском гниющей плоти, но беспощадным и великолепным воином.

Гефоргу не оставалось ничего иного, кроме как следовать совету гнома. Да и чем еще юноша мог помочь другу? Он слишком слаб для того, чтобы сражаться с монстром на равных. А попытавшись отвлечь его на себя, он вполне мог реально помочь опытному в боях гному. Нарлинг кинулся на Пораженного со спины, стараясь привлечь внимание, а если повезет, то и ранить гиганта. Мраморная Стена воспользовался тем, что противник действительно развернулся к новому врагу.

Стремительно скользнув к противнику, Регнар рубанул топором по его плечу. Толстая рука, сжимающая меч, упала под ноги гиганта, а кровь хлынула прямо в лицо гнома, ослепляя его на мгновение. Пораженный заревел от боли и ударил наугад огромной палицей. Регнар инстинктивно кувырнулся назад, и палица, которой пытался достать гнома Пораженный, ударила в то место, где мгновение назад находился гном, с такой силой, что земля вокруг вздрогнула. Опоздай гном хоть на мгновение – и палица раздробила бы его череп.

Пораженный тем временем подхватил свободной рукой отрубленную конечность, все еще сжимающую огромный меч, и шагнул следом за Регнаром.

Гефорг вновь кинулся на помощь, полосую спину нерасторопного монстра. Гигант на удивление быстро развернулся, вздымая палицу, чтобы в следующий миг вбить в землю надоедливового врага. Но одновременно с Пораженным и гном бросился в яростную атаку. В два быстрых шага набирая разбег и сокращая расстояние, Регнар высоко подпрыгнул, подняв свой боевой топор над головой обеими руками, и обрушил всю смертоносную мощь древнего оружия на голову Пораженного. Топор расколол череп монстра как спелую тыкву, забрызгав все вокруг кровью и мозгами.

Труп врага рухнул на алтарь, придавив своей тяжестью молодого Нарлинга к земле.

– Знаешь, дружок, – сказал гном, вытаскивая топор из монстра. – Ты молодец! Иногда я думаю, что в тебе течет кровь подгорного народа.

– Ты бы не мог помочь мне выбраться? – прохрипел Гефорг, задыхаясь от навалившейся на него туши.

Регнар мощным пинком сбросил труп Пораженного с Гефорга. Затем, оставив друга подниматься самостоятельно, он обошел мрачный алтарь. Со стенаниями поднявшись и пытаясь отряхнуть одежду от пропитавшей ее крови, Нарлинг поспешил за другом.

– Как думаешь, нам стоит ее освободить? – задал вопрос гном, когда юноша приблизился.

Регнар, с задумчивым видом положив ладони на рукоять топора, поставленного на землю, рассматривал привязанную к алтарю девушку.

– А?

В голове Гефорга все слова и мысли после недавней схватки превратились в бесформенный перепутанный клубок. Он даже не понял вопроса, явно обращенного к нему.

– Хотя, с другой стороны, зарубить ее я всегда успею. А окажись она невинной жертвой этих мерзких исчадий богов Черного Трона – меня будет мучить моя неумная совесть, – решил Регнар и в один миг голыми руками разорвал связывающие девушку путы.

Глава 11

От ужаса к свету

– Так кто ты такая будешь? – задал вопрос гном, бесцеремонно осматривая и ощупывая ошарашенную девушку.

Не найдя никаких явных признаков ее принадлежности к Пораженным, гном оставил бедняжку в покое и представился:

– Я – Регнар Мраморная Стена родом из Туманных Вершин. А это – Гефорг из рода Нарлингов.

– Агх-га, – выдавил из себя Нарлиг, медленно приходя в себя.

Гном представлял сейчас собой еще то зрелище: широкий, косматый, с головы до ног перепачканный кровью и ошметками мяса, с ужасающим топором в толстых руках. Глаза гнома безумно поблескивали, помня яростную схватку. Грязная куртка только местами закрывала порванную кольчугу. Съехавший на затылок легкий открытый шлем с хвостом из рыжих волос. Кожаные черные штаны и тяжелые сапоги с металлическими набойками гармонично дополнялись включенной густой, доходящей до груди бородой, которая явно знавала лучший уход. Как было не испугаться такого чудовища, которое к тому же ревело еще страшнее, чем выглядело.

Приходящий в себя Гефорг выглядел немногим лучше. Также заляпанный кровью Пораженных, юноша умудрился собрать на себя кучу грязи и листьев. Вся одежда Нарлинга была изорвана в клочья, а плечи покрывал рваный шерстяной плащ, цвета которого совершенно невозможно было определить.

Поднявшаяся с алтаря девушка оказалась невысокого роста – не выше коренастого гнома. Чумазая, в перепачканной одежде, она с недоверием и страхом смотрела на своих спасителей чистыми голубыми глазами. Мокрые от влажности и тумана темные волосы облепили лицо. Одежда на девушке была практически целой, лишь местами порванная куртка выдавала в ней пострадавшую.

Но если лицо девушки и казалось растерянным, то мелодичный голос оказался на удивление твердым и ровным.

– Меня зовут Элейн, – представилась она, растирая занемевшие запястья. – Я не знаю, как мне благодарить вас за спасение.

Гефорг отметил привлекательные тонкие благородные черты лица и гибкую стройную фигуру. Элейн поймала взгляд Гефорга и попыталась заставить себя улыбнуться этим странным незнакомцам, которые действительно спасли ее от лютой смерти.

То ли промокнув под дождем еще по пути в лес, то ли от пережитого нервного стресса, девушка тряслась от крупной дрожи, иногда чувствуя судороги в мышцах. Элейн никак не могла согреться.

Гефорг, окончательно пришедший в себя после схватки, подошел к одному из распластанных на земле тел и мечом поддел маску, срывая ее с лица последователя Таллара. Взглядам открылось совершенно обычное лицо молодого человека, вовсе не тронутое мутацией зла. На вид убитому еще не было и двадцати лет. Элейн медленно приблизилась к Нарлингу, не отрывая взгляда от распростертого у его ног тела. Что-то блеснуло в призрачном свете Горра, и она узнала отсвечивающую вещицу.

– Постой! Тут есть кое-что интересное, – проговорила Элейн, осторожно опустившись возле убитого на колени. Едва касаясь тонкими пальцами еще теплой руки убитого, девушка сдернула с его пальца знакомый блестящий перстень.

– Ты его знаешь? – прямо спросил Гефорг, вдруг подумавший, что гном мог оказаться прав в своих подозрениях относительно этой девушки. Инстинктивно Нарлинг даже крепче

сжал рукоять меча и отступил на шаг назад – на случай, если придется рубануть девушку клинком.

– Нет. Его лично я не знаю, но зато отлично знаю, что означает вот это, – ответила она, протягивая молодому человеку снятое серебряное украшение.

– И что же это? – насторожился гном, уловив предостерегающие интонации в словах спасенной. – Если это колдовская штуковина сил Мрака, то мы должны уничтожить ее прямо сейчас!

– Нет, это не колдовская штуковина, – хмуро ответила девушка, поднимаясь с колен. – Все гораздо хуже и сложнее. Это герб семьи магистрата.

– Магистрата? – переспросил Гефорг.

Девушка опять не казалась ему опасной, и он мысленно обругал себя за излишнюю подозрительность.

– Да, магистрата Ливинкрона, – подтвердила Элейн и посмотрела прямо в глаза Геф-оргу. – А вы кто такие?

Гефорг задумался над правильным ответом, не зная, как в двух словах дать его. К тому же рассказать ей правду – означало подвергнуть себя ненужному риску. И не только себя, а честь рода Нарлингов, которую он, Гефорг, должен восстановить. В то же время Нарлинг не любил врать и хитрить, хотя ему иногда приходилось делать и то и другое. Чтобы решить дилемму, что говорить – правду или ложь, – молодой человек всегда выбирал полуправду.

– Мы – простые путники, заблудившиеся в лесу, – ответил он, бросая на гнома язвительный взгляд.

Регнар подобрал огромную булаву, которой был вооружен четырехрукий Пораженный, и взмахнул ею пару раз, словно примеряя к своей руке. Вопреки небольшому росту гнома, огромная булава смотрелась совершенно естественно в его лапе.

– Мы направлялись в столицу из Дарграда. Непогода, дождь, туман... Одним словом, мало того что промокли и устали, так еще и, к несчастью, совершенно заблудились.

– Скорее, к счастью, – улыбнулась Элейн, окончательно восстановившись после стресса. – Если бы не вы, я была бы уже мертва. Благодарение Армалии, пославшей вас мне на выручку.

Гефорг почувствовал смущение, словно девушка высказала благодарность не богине удачи, а ему самому. Регнар, отбросив не понравившуюся ему булаву, громко выругался в адрес приспешников сил зла, которые и доброго оружия сделать не в состоянии.

– Ливинкрон, – сказал Гефорг, вспомнив название города, произнесенное девушкой. – Так ты оттуда?

– Да. Это совсем недалеко отсюда, – подтвердила Элейн, чувствуя растущее беспокойство.

Элейн вдруг захотелось сбежать отсюда и схорониться где-нибудь на несколько дней. Вновь предчувствие предупредило ее подныванием в животе.

– Ты сможешь довести нас до города? – спросил Нарлинг, и по голосу было совершенно ясно, что он нисколько не сомневается, что в благодарность за спасение девушка не откажет путникам в такой малости.

– Я? Э-э-э... – замялась Элейн, ощущая, как острое чувство опасности формируется в ее сознании все более четко. – Я не видела, как меня сюда везли. Я очнулась уже тут. Поэтому я сейчас даже не представляю, где мы находимся.

– Очень жаль, – огорчился молодой человек. – В городе мы смогли бы нанять экипаж...

Гном проворчал что-то нелестное в адрес повозок и, усевшись на ближайший валун, принялся основательно чистить свой топор.

– В любом случае мы тебя не бросим, – пообещал Гефорг. – Мы вместе как-нибудь выберемся из леса и постараемся доставить тебя до города.

Девушка вздохнула, понимая, что от провожатых ей никак не отделаться. Но после всего произошедшего она просто панически боялась возвращаться в Ливинкрон. Буквально физически Элейн вновь ощутила цепкие руки, которые скрутили ее, чтобы привезти на эту поляну и приковать к жертвенному алтарю.

– Пора бежать куда глаза глядят, – пробормотала Элейн, соображая, куда сможет податься из ставшего таким страшным Ливинкрона.

– Что? – переспросил Гефорг, не расслышавший слов девушки.

– Я просто еще раз воздала хвалу Армалии за мое чудесное избавление, – заверила Элейн, не моргнув и глазом.

Туман в преддверии подступающего утра стал еще плотнее. И только теперь Нарлинг вдруг заметил, как изменился лес, наполнившись звуками: где-то ухала сова, где-то треснуло дерево, где-то испуганно тявкнула лиса... Лес ожил.

Вычистив топор, Регнар подошел к другу, не преминув плюнуть на трупы Пораженных, мимо которых проходил.

– Люди слабы и глупы, – сказал гном, глядя на одетых в черное богатых молодых людей, которых убил Нарлинг. – Из-за них весь наш мир катится напрямую в Бездну Мрака.

Регнар забросил свой боевой топор в заплечный чехол и, достав кремь, начал терпеливо раскуривать древнюю трубку, и вскоре терпкий густой запах табака окутал гнома. Вдохнув несколько раз с наслаждением ароматный дым, он пригладил давно не чесанную, с редкой проседью бороду и испытующе посмотрел на девушку.

– Ну так что, девочка, ты готова идти, или есть еще что-то, что нам надо знать? – задал вопрос гном, высказывая закраившиеся к нему в душу подозрения.

В отличие от Нарлинга, он слушал слова девушки, и ему показались весьма странными некоторые интонации ее голоса.

Элейн вдруг испугалась того, что вот эти двое странных путников, совсем недавно походя изрубившие на куски большую часть ее похитителей, вполне могут быть много опаснее, чем те, кого она страшится в городе. Стоит ей оказаться в своем привычном мире – и она сумеет раствориться среди воров и бандитов. Она станет осторожной и сумеет отсидеться в какой-нибудь тихой надежной норе, тем более что про тайный дом ее приемного отца Глоара до сих пор не знал никто, кроме нее. И тот, кому удалось сегодня сбежать с этой поляны живым, не сумеет ее отыскать.

Эти путники вдвоем зарубили огромное количество Пораженных, и не придет ли им в голову попросту убить ее, если почувствуют фальшь в словах и поступках? Окончательно решившись, Элейн кивнула в ответ и нервно взмахнула рукой:

– Целиком я не могу быть уверена. Но судя по тому, что звезда проклятого Таллара там, – она указала на яркую звезду, – Ливинкрон вон там.

Дорога оказалась довольно легкой. Едва подойдя к краю поляны в той стороне, куда указала девушка, друзья нашли хорошо протоптанную тропинку, уходящую в том же направлении.

Элейн, Гефорг и Регнар уходили не оглядываясь и потому не увидели, как древний, испещренный рунами алтарь, на который рухнул огромный Пораженный, начал слабо пульсировать неестественным желтоватым светом, и, вторя мерцанию алтаря, по жилам огромного монстра, просвечивая через кожу, запульсировали вены поверженного приспешника Мрака.

– По всему выходит, что это не первый и не второй раз, когда приспешники Мрака приходят на эту поляну для кровавых обрядов! – заметил гном. – Тропа хорошо утоптана – главное, дружок, чтобы ты вновь не загорелся желанием исследовать корни деревьев!

– В университете Ас-Ангела я слышал, что подгорные племена предаются злу, поклоняясь Мраку, – припомнил вдруг Гефорг, шагая рядом с гномом.

Пораженными становились в результате поклонения богам Черного Трона. Но встречались случаи, когда как люди, так и нелюди уже с рождения оказывались прокляты злом. Говорили, что так сказывалась порча, наведенная приспешниками Таллара. Родные, узнав, что их родственник стал Пораженным, старались держать это в тайне, пока в конце концов Пораженный, повинаясь одному ему ведомому зову, не уходил или проклятая сущность не проявлялась настолько, что скрывать ее было уже невозможно.

В королевствах севернее и восточнее Дионии Инквизиция и ордены пытались контролировать ситуацию, однако на западе леса и горы кишели мутантами. Целые города предавались темной вере. Также поговаривали, что Таллар вознаграждает своей меткой за грехи – меченные Талларом в конечном итоге становились Пораженными. Убийства, изощренные пытки, инцест – все это рьяно поощрялось силами Мрака.

– Да! – рявкнул в ответ Регнар, словно слова Нарлинга причинили ему физическую боль. – Зараза людей проникла и в наше племя. Мы бились с ними под Лунным Склоном. Эх... Славная была битва, хоть и давно это было...

Регнар нахмурился, вспомнив что-то неприятное.

Гномы не чтили Денмиса, верховного бога добра, восседающего на Белом Троне. Они ни во что не ставили Нахена, бога исцеления, или Армалию, богиню удачи. Точно так же они не признавали и прочих богов, коим поклонялись люди. Гномы почитали Аррага, или, как его еще называли, Кузнеца Битвы. Арраг покровительствовал подгорному народу всегда, оставляя без внимания молитвы всех других рас. Пророки поведали, что Арраг – бог Белого Трона. Наверное, из-за этого большее было гномам осознавать, что их собратья предали их небесного отца, переметнувшись к богам Черного Трона. И место Кузнеца Битвы в сердцах этих заблудших заняла Зорнер, или, как ее еще называли, Мать Злоба – сестра Таллара, владыки Мрака.

С начала времен боги Черного Трона и боги Белого Трона вели беспощадную войну. И лишь два божества не примкнули ни к одному из двух пантеонов – Горр и Торр. Их лики восходили и ночью, когда Рамит покровительствует приспешникам зла, и днем, когда Око Увара, бога природы и плодородия, разгоняет своим священным светом порождения Мрака, коим ненавистен свет солнца. Горр и Торр чтили равновесие и баланс, не вмешиваясь в дразги остальных богов и оставаясь равнодушными к молитвам смертных.

– Если это было давно, – заметил Гефорг, – то за столь долгое время другие ваши города тоже могли попасть под влияние Черного Трона.

Не удостоив человека ответом, гном молча ускорил шаг, давая понять, что разговор окончен.

– Нам надо будет нанять экипаж сразу же, как только мы попадем в город, – высказал предложение Гефорг, меняя тему.

– Нет уж, дружок! Ты меня больше в повозку не затащишь! – категорически отрезал Регнар. – Никаких гробов на колесах! Никогда!

– Интересно, чем ему повозки не угодили? – поинтересовалась любопытная Элейн, поравнявшись с Нарлингом.

Однако юноша лишь покачал головой ей в ответ. Начинать сейчас рассказ о переживаниях и злоключениях последних дней он не собирался.

Деревья внезапно расступились, выпуская путников из-под купола леса. Друзья оказались перед той самой дорогой, с которой Регнар свернул, стараясь избежать погони. Оказавшись перед широким трактом, явно постоянно используемым и конными и пешими путниками, Нарлинг от неожиданности остановился, осматриваясь в утреннем сумраке.

– Ну что ты встал, словно статуя? Пошли! – воскликнул гном, выпуская густую струю табачного дыма. – Я уж было начал думать, что мы обречены бродить по этому лесу целую вечность!

– Я вот все думаю – раз тут протоптана такая хорошая тропа, значит, эти слуги зла уже не в первый раз устраивают такой шабаш с незащитными жертвами? – поделился своими размышлениями Гефорг, шагая по дороге рядом с Элейн. – Ведь власти города должны были что-то предпринять! Нельзя не заметить, как исчезают люди.

– Сомневаюсь, что в Ливинкроне кого-то тревожит исчезновение людей... По крайней мере, если говорить о простых людях, – возразила Элейн, подумав о том, что если магистрат приспешник Таллара, а все указывало именно на это, то в Ливинкроне дела совсем плохи. – К тому же если бы речь шла о жизни тех, кому этот город принадлежит, – это одно. А исчезновение тех, кого власти считают чернью, не вызовет ни у кого интереса.

Девушка натянуто улыбнулась.

– Но и... Но все остальные – это уже не ваша забота.

Гефорг вопросительно посмотрел на девушку, однако Элейн сделала вид, что не заметила его взгляда, и ушла вперед.

К тому времени, когда лес отступил от дороги, а взору путников открылись уже убранные к зиме поля, Око Увара начинало свой новый обход по небосводу Эпама. Далеко впереди, в утреннем свете, путники увидели городские стены.

– А вот и Ливинкрон, – объявила девушка, откидывая прядь темных волос с лица.

– Ну наконец-то! – обрадовался Регнар. – Нам стоит поспешить! Я, как посол королевства Туманных Вершин, хочу нанести визит вежливости владельцу этого городишки.

– Не торопись так, Регнар, – устало возразил Нарлинг, мечтающий после такого насыщенного событиями ночного перехода о миске похлебки и постели. – Дай хоть немного отдышаться. Да и осмотреться не мешает, прежде чем лезть на рожон. Мы и так едва уцелели. А еще я с удовольствием бы помылся.

Сколько Гефорг помнил Регнара, гном частенько в застольных разговорах упоминал, что он посол, которого король Туманных Вершин отправил своим представителем в столицу Дионии – Эртию. Однако же Регнар никогда даже не помышлял уехать из Дарграда, чтобы приступить к своим посольским обязанностям. В Дарграде со временем он получил всеобщее уважение, считаясь хорошим воином и умелым ремесленником, притом в мирной жизни города первое проверять всерьез не доводилось, а вот в мастеровитости сыну подгорного народа просто не было равных.

Поговаривали даже, что у Вердиса Нарлинга в свое время дела пошли особенно быстро в гору именно благодаря тому, что Регнар стал его советником по вопросам организации торговли с гномами. А вспыльчивый нрав Регнара мало вязался с профессией посла, главное умение которого должно выражаться во владении своими эмоциями и умении вести политическую полемику. Хотя, насколько Гефорг знал историю, гномам во все времена были чужды политические игры. Юный Нарлинг не знал наверняка, стоит ли верить гному в том, что он посол, да и никогда всерьез не задумывался над этим вопросом. Регнар был старым другом и за долгие годы стал членом семьи Нарлингов, а потому просто принимался всей семьей без всяких «верю – не верю». Вот и сейчас Гефорг просто пропустил высказывания мимо ушей. Зато Элейн не преминула заметить с легкой усмешкой:

– Простые путники, значит?

Гефорг, остановившийся перевести дух, рассматривал маленькие черные точки работников и ремесленников, с первыми отсветами утра спешащих по своим привычным ежедневным делам. Ему вдруг подумалось, что совершенно любой из этих ничего не подозревающих обывателей вполне мог оказаться минувшей ночью на алтаре. И наверняка многие семьи бесплодно ищут пропавших родных, даже не ведая, какая страшная участь тех постигла.

Насколько же сильно зло успело проникнуть в Срединные Королевства? Отчего люди опустили настолько, что позволили Мраку овладеть своими сердцами? Гефорг смотрел на просыпающийся город и не мог ответить себе на эти вопросы. Одно он знал своим разумом и чувствовал своим сердцем наверняка: сам он никогда не воззвал бы к Рамиту или Даклакусу. Никогда, что бы ни произошло в его жизни.

Гном уже ушел вперед, даже не оборачиваясь на приотставших Гефорга и Элейн. Регнару отчего-то просто не терпелось быстрее попасть в город.

– Никто не говорил, что мы простолюдины, – отозвался Гефорг. – А простой путник может быть кем угодно.

– А ты сам-то кто? Уж не заморский ли принц, какой в сопровождении посла пожаловал в наше скромное королевство? – съязвила, не сдержавшись, девушка.

Элейн сразу почувствовала, что это не «простые путники». Конечно, с одной стороны, большого ума для этого не требовалось – ни один простой путник в здравом уме очертя голову не кинулся бы в атаку на Пораженных, презрев страх смерти или жутких мучений. Конечно, можно было предположить, что на слугителей Мрака кинулись двое умалишенных. Но таких просто зарубили бы или принесли в жертву следом за Элейн. Однако девушка сейчас стоит неподалеку от городских ворот, а Пораженные в большинстве своем лежат на той самой поляне, где готовили ей страшную смерть. Лежат, разрубленные на куски плоти.

Бесстрашие, ярость, сила, опыт... Вряд ли простой путник может похвастать таким набором качеств. А еще и слова гнома про посольство и туманные объяснения юноши о «простых путниках». Да и чутье, которому Элейн привыкла доверять, подсказывало ей, что с этими путниками не все просто.

– Нет, – ответил Нарлинг с печальным вздохом. – К сожалению, а может, и к радости, я не принц. Я – Гефорг Нарлинг, сын Вердиса Нарлинга из Дарграда. Города в двух днях конного пути отсюда. И сейчас мы с моим другом направляемся в Эртию. Такова была последняя воля моего отца, и я твердо намерен ее исполнить.

– А я ни разу не была в столице, – пожаловалась девушка. – Почти всю жизнь прожила здесь, в Ливинкроне. Сейчас даже немного вам завидую. В столице, говорят, совершенно другая жизнь.

Элейн несколько не лукавила сейчас. Она действительно хотела бы побывать в столице. В ней вновь, но уже с необычайной силой, пробудилось желание все бросить и отправиться на встречу с приключениями. В города, где она ни разу не была, в страны, куда не ходил ни один из встреченных ею в Ливинкроне путешественников. Раньше после некоторых раздумий какой-то не свойственный ей обычно страх брал верх, и она оставалась. Оставалась, совершенно уверенная, что все же наступит день, когда она осуществит свою мечту. И сейчас ей вдруг показалось, что день этот настал. Ну и что, что она знает их всего ничего? Зато они за то недолгое время знакомства успели вытащить ее из самой безвыходной ситуации, какая только случалась в ее жизни.

Элейн, хоть старательно и отгоняла всякие сентиментальные мысли, но невольно ощущала некое подобие долга перед этими путниками. Все эти мысли и чувства перемешались в ее голове бесформенным клубком, и девушка просто выбросила их усилием воли.

– Мой родной брат, должно быть, уже освоился в столице, – вспомнил вдруг про брата Гефорг, глядя на восход солнца над лесом.

– Брат? – переспросила Элейн.

– Да, Эйдис Нарлинг. Он младше меня на год, но учились мы вместе...

Элейн вспомнила своего родного брата. Она не видела его с тех пор, как убили отца. Тогда их разлучили, но забыть самого родного после отца человека девушка не могла, и эта разлука саднящей занозой жила в ее сердце.

Заметив, что гном уже успел уйти от них на приличное расстояние, Гефорг поспешил следом, испугавшись, что в незнакомом городе тот вполне может потеряться. Элейн, угнетенная и сникшая от бремени воспоминаний о брате, молча последовала за ним.

В предместье, что со всех сторон окружало высокие каменные стены Ливинкрона, лились звуки пробуждения: допевали свои начатые еще с рассветом песни петухи, перетягивались лениво собаки, мычал и блеял выгоняемый на пастбища скот. И поверх всего этого гомона разливался чистый и торжественный перезвон колоколов в храмах богов Белого Трона.

Наступало обычное осеннее утро.

Глава 12

На шаг позади зла

Ночь отступила, но рассвет не принес ни тепла, ни радости.

По мосту в Двуречье въехали четверо всадников. Лица троих были сокрыты глубокими капюшонами черных ряс, четвертый всадник выглядел уставшим и озлобленным. Капюшон был откинут на спину. Седые волосы взлохмачены, а под тяжелыми бровями сверкали покрасневшие от недосыпания глаза. К седлу этого всадника кроме сумки был привязан штандарт с символом инквизиции. Черная ряса переливалась золотой вышивкой молитв, оберегов и цитат из священных текстов. Поверх одежд у всех троих висели привычные всем священные символы Денмиса. У всадника с открытым лицом этот символ был немного иным – заключенным в белый железный круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.